

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРИАЛОВ.

1. Записка по делу "ПОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОЙ"
2. Список важнейших арестованных по делу "ПОВ"
3. 4 протокола допроса быв.пом.зав.культпропа ЦК КП/б/У
НОНЕЦКОГО /он же РОЗИН/ И.А.
4. 2 протокола допроса б.представителя КПЗУ
при ЦК КП/б/У - СТАСЕНКА /он БЕРМАН/ В.Ю.
5. 3 протокола допроса быв.зав.отд.редакции "СЕРП"
РИБНИЦКОГО /он же СКИДЛОВСКИЙ/ С.А.
6. 3 протокола допроса быв.зав.отделомредакции "СЕРП"
ТУТАКОВСКОГО С.В.
7. 3 протокола допроса быв.зав.партотд.газеты "СЕРП"
ГРУДЫ /он же ДЕМКЕ/ М.М.
8. Протокол допроса быв.редактора газеты "ГЛОС МЛОДЗЕЖИ"
в Киеве - ВАЛЬЧАНОВА А.
9. Протокол допроса быв.редактора Сталиндорфской районной
газеты "ЛЕНИНСКИЙ ШЛЯХ" -
- ЗИММН - КРАНЦА Э.Э.
10. 2 протокола допроса быв.студента третьего курса
польского педагогического института -
- ГРОДСКОГО В.Н.

В 1933 году ГПУ СССР вскрыта и ликвидирована польская контрреволюционная организация, именовавшаяся "Польская организация войскова" ("ПОВ"), возглавлявшаяся быв. Зав. Польбюро ЦК КП(б)У и бывш. членом Бюро Черниговского Обкома КП(б)У СКАРБЕКОМ.

СКАРБЕК являлся старым членом "ПОВ" и воспитанником ПИЛСУДСКОГО и был связан с Варшавским центром "ПОВ", в частности с РЫДЗ-СМИГЛОЙ и бывш. Начальником 2-го Отдела Польглавштаба - ныне редактором официозной польской газеты "ГАЗЕТА ПОЛЬСКА" - МЕДЗИНСКИМ.

В руководство "ПОВ" входили также:

1. ПОЛИТУР-РАДЗИЕВСКИЙ Генрих Игнатьевич, быв. Зав. Польбюро Киевского Обкома КП(б)У, старый член ППС и "ПОВ", друг быв. польского премьер-министра СЛАВЕКА;
2. ТЕОДОР Иосиф Борисович - бывший инструктор ЦК КП(б)У по польской работе;
3. САУЛЕВИЧ Ян Доминикович - Начальник управления колхозных ферм Наркомзема СССР, быв. член ППС, член КП(б)У с 1924г.;
4. ВИШНЕВСКИЙ Константин-Теодор - редактор польской газеты "СЕРП" - быв. член КП(б)У с 1919 года;
5. МИХАЙЛОВ-ЛАПИНСКИЙ Михаил Михайлович, быв. член ЦК ППС (Левизы), сын фабриканта, - личного друга ПИЛСУДСКОГО. В момент ареста - аспирант Института Польской Культуры в Киеве.

Всего по делу было арестовано 179 человек.

В конце 1934 года на Украину, на решающие участки польской работы, начинает прибывать ряд бывших работников КПИ.

Первым прибыл на пост представителя КПЗУ при ЦК КП(б)У СТАСЯК. В прошлом он член Секретариата ЦК КСМ Польши, — ближайший помощник разоблаченного СОХАЦКОГО-БРАТКОВСКОГО. Отстраненный на два года от работы за дезинформацию ИККИ, СТАСЯК до истечения срока принимается обратно СОХАЦКИМ-БРАТКОВСКИМ и становится членом Секретариата КПЗУ от КПИ.

Через некоторое время на должность Пом.Зав.Культпропа ЦК КП(б)У по наемнработе прибывает КОНЕЦКИЙ — быв.член Секретариата ЦК КСМ Польши, быв. меньшевик, эмигрировавший в 1919г. из СССР в Польшу.

Отец КОНЕЦКОГО — фабрикант, брат — пилсудчик, погибший на польской стороне в войне 1920 года, другой брат — яркий пилсудчик, принявший католичество.

В феврале 1935 года, по приглашению КОНЕЦКОГО в Киев на должность редактора польских газет прибывает СОСНОВИЧ Ян, не оформивший своего перехода в ВКП(б).

Отец СОСНОВИЧА — варшавский профессор, пилсудчик, брат — член "Легиона Млодых" (организация Пилсудчиков). Сам Соснович в 1919г. по заданию пилсудчины, параллельно существующему КСМ Польши, создал "Польский Союз Коммунистической Молодежи". Во время наступления советских войск на Варшаву он ушел добровольно в польскую армию.

В период подготовки ПИЛСУДСКОГО к захвату власти, СОСНОВИЧ работал в Статистическом Отделе в Варшаве, где отсижи-

вались кадры ПИЛСУДСКОГО. По партийной линии СОСНОВИЧ Януш успел пролезть на пост Секретаря ЦК КСМ Польши.

После СОСНОВИЧА в Киев по запискам, без соответствующих командировок, прибывают из Польши: ДЛУССКИЙ — на должность Зав. Школой ЗБД КПЗУ, ГРУДА — быв. легионер, на работу в редакцию "СЕРП" и т.д.

КОНЕЦКИЙ, СТАСЯК и др., в прошлом руководители КСМ Польши, примыкали к фракционной группе "МАРЕКА" — видного агента лагеря ПИЛСУДСКОГО, выходца из буржуазной партии "ПОАЛЕЙЦИОН".

Метод ПИЛСУДСКОГО — иметь свою политическую агентуру во всех партиях, особо наглядно виден в этом деле.

Прибыв в СССР, еще будучи в Москве, КОНЕЦКИЙ и К^О блокируется со всеми оппозиционными группировками, в частности с ЛОМИНАДЗЕ и ГЕЙНЦ-НЕЙМАНом.

Таким образом, если раньше во главе "ПОВ" на Украине стояли старые кадры ПИЛСУДСКОГО (СКАРБЕК, ПОЛИТУР, ТЕОДОР и др.), то после разгрома "ПОВ" в 1933г. Пилсудчина бросила к нам свои молодые кадры для воссоздания подполья на Украине.

Кадры для подполья все время пополнялись из Польши за счет агентуры, влитой пилсудчиками в КПШ.

Организация ставила своей задачей на Украине:

1. Подготовить кадры на случай войны, путем развития массовой националистической деятельности среди польского населения;

2. Организовать разведывательную службу по военным и экономическим вопросам;

3. Политический террор в отношении руководителей партии и Советской власти.

Всего на Украине по данному делу арестовано 68 чел., а вместе со связями — 304 чел., из них членов партии — 132 чел.

Участки, захваченные арестованными, показывают линии направления работы "ПОВ" на Украине.

В Польбиро ЦК КП(б)У — КОНЕЦКИЙ занимается подбором кадров польработников, контролем работы прессы и издательств и другими вопросами, связанными с польской работой.

СОСНОВИЧ и другие захватывают в свои руки редакции польских газет, через которые проводят открытую националистическую пропаганду и клеветуют на партию и т.СТАЛИНА.

Польский театр и библиотека также захватываются "пеовяками". Протаскиваются националистические пьесы, распространяется националистическая литература.

СТАСЯК, ДЛУССКИЙ и др., захватив Представительство и школу КПЗУ в свои руки, обеспечивали возможность организационной связи с Польшей и приток "пеовяцких" кадров на Украину.

Особое внимание уделялось террору, для чего был создан "Боевой Отдел", подготовлялись террористические акты над т.т. КОССИОРОМ, ПОСТЫШЕВЫМ и БАЛИЦКИМ.

Большую работу "пеовякам" удалось провести на Правобережье Украины.

Нами ликвидирован Волынский Центр "ПОВ". Арестованы:

ОЛДАКОВСКИЙ - член "ПОВ" с 1915г., быв. первый председатель Мархлевского Национального польского района; в последнее время - ответственный секретарь Топливного Комитета Совнаркома УССР;

БЕГАНСКИЙ - быв. Зав. Польбюро Житомирского Округкома КП(б)У;

М А Й Станислав - быв. Зав. Польбюро Губнаробраза в Житомире;

КАЛИНОВСКИЙ - быв. Секретарь Мархлевского Райпарткома и другие;

Материалами следствия устанавливается, что, извратив ленинскую национальную политику, ими были искусственно расширены границы Мархлевского национального района, в котором было показано население в 26 тыс. поляков, в то время когда фактически поляков в районе проживает только до 4-х тысяч.

После организации района в нем проводилась широкая принудительная полонизация непольского населения.

В украинских селах вместо украинских школ было открыто до 60-ти польских школ.

В полонизаторской работе организация увязалась с католическим духовенством.

Результаты работы "ПОВ" особенно дали себя чувствовать на Волыни в период 1930-1932 г.г.

- а) В Мархлевском районе - самый малый процент коллективизации и систематическое невыполнение гособязательств;
- б) В районе - волнки с убийствами партактивистов;
- в) Эмиграционная волна в Польшу и планы вооруженного прорыва через границу;
- г) Создание диверсионных групп.

На опыте Мархлевска руководство "ПОВ" пыталось муссировать идею превращения Проскуровского округа в польский национальный, - с дальним прицелом требования устройства, в нужный момент, плебисцита.

Крепкие ячейки "ПОВ" вскрыты в Польском Педагогическом Институте, где при проверке из 540 студентов - оказалось только 50 поляков, а 118 человек совершенно не знали польского языка.

Характерно, что во время реорганизации Института нами перехвачена открытка Польскому консулу в Киеве "о защите студентов".

Попутно с ликвидацией "пелвяцкого" подполья на Украине, ликвидирована сеть польских контрреволюционных ячеек, руководимых католическим и униатским духовенством.

Одним из каналов проникновения "пелвяцких" кадров на Украину явилась также КПЗУ.

В Секретариат КПЗУ, начиная с 1928 года, пилсудчина вливала свою агентуру с задачей:

1. Разложения КПЗУ в мирное время и захвата влияния, чтобы во время войны подернуть КПЗУ против СССР;

2. Использования КПЗУ, как прикрытия для переброски к нам террористов, националистов из лагеря "ОУН-УВО" и агентуры "ПОВ".

Только за 1935 г. нами арестовано два секретаря ЦК КПЗУ, пять членов секретариата ЦК и двенадцать секретарей Окружкомов КПЗУ, оказавшихся эмиссарами "ОУН".

Среди них - группа террористов, практически пытавшихся осуществить теракт над т.ПОСТЫШЕВЫМ (группа КАРСКОГО).

Террористическая группа ликвидирована среди польской учащейся молодежи в Киеве.

Арестованный КАЛИНОВСКИЙ - поляк, художник, передавший в Польское консульство проект памятника ПИЛСУДСКОМУ, оду, посвященную его памяти и контрреволюционные вражеские стихи, направленные против ВКП(б) и т.СТАЛИНА, - подготавливал со своей группой террористические акты против т.т.КОССИОРА, ПОСТЫШЕВА и БАЛИЦКОГО.

У соучастника КАЛИНОВСКОГО - РЕУТА, исключенного из партии троцкиста, быв. командира взвода 297 полка, при обыске и аресте взяты два револьвера и патроны.

Дальнейшие аресты и следствие продолжаются.

НАЧАЛЬНИК ОСОВОГО ОТДЕЛА
УГБ НКВД УССР и КВО -

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

" 5 " декабря 1935 года

№ _____

г.Киев.

СПИСОК

АРЕСТОВАННЫХ ПО ДЕЛУ "ПОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙСКОВОЙ".

№ п/п	Фамилия, имя, отчество и последняя должность	Биографические данные и политическое прошлое	ПРИМЕЧАНИЕ
		<u>Прибывшие из П О Л Ь Ш И.</u> Поляк. Сын профессора-литературоведа, активного деятеля ППС, ярого сторонника Пилсудского. СОСНОВИЧ Януш - служил в 1920 г. добровольно в польской армии. В 1919 г. был организатором "Союза Польской Коммунистической молодежи", созданного пилсудчиной для развала польского Комсомола. В КПН СОСНОВИЧ - с 1919 г. С Ноября 1922 по Май 1923г. - член ЦК КСМ Польши; с Сентября 1924 по Март 1926 г. - секретарь ЦК КСМ Польши; с Марта по Июль 1926 г. - представитель КСМ Польши при КИМ"е. Июль 1926 - Июль 1928 г. - на Международных Ленинских курсах в Москве. Сентябрь 1928- Ноябрь 1928г. - член Секретариата ЦК КСМ Польши и Секретарь Лодзинской организации КСМП. В 1929-1930 г.г. - Секретарь ЦК КСМ Польши. С Апреля по Июль 1930 г. - Секретарь ОК КПН в Кракове, а затем - в Варшаве. В 1931 г. - член Центральной редакции ЦК КПН и Центрального профотдела КПН. В 1932г. - руководитель польской работы в КПН в Берлине и Верхней Силезии, а затем Инструктор Профинтерна в Берлине и Бельгии.	Сознался частично. Изобличается показаниями РЫВИЦКОГО, КОНЕЦКОГО, СТАСЯКА, ТУТАКОВСКОГО, СЕДЛЕНКОГО, КРАВЕЦКОГО, ГРУДЫ, ЗАДРУЖНОГО и МАЯ Чеслава.
1.	<u>СОСНОВИЧ, он-же ТОМ Януш Владиславович</u> Редактор польской газеты "СЕРП" в Киеве. Числится членом ВКП(б), партбилета не имеет.		

2.- 10

С Апреля 1933 г. по Февраль 1935 г. - в Москве. Работал в Иностранном отделе "Правды", был Зав.Польсекцией Партиздата ЦК ВКП(б), а последнее время - полitreферентом ИККИ.

2. КОНЕЦКИЙ, он-же РОЗИН
Носиф Альбертович

Пом.Зав.Культпропа ЦК КПбУ

Член ВКП(б) с 1919 года.

Еврей, по анкетам - поляк, из семьи владельца фабрики в Лодзи.

В 1918 г. - член РСДРП - меньшевиков в Москве. В том-же году опитировал польское подданство и уехал в Польшу.

КОНЕЦКИЙ - член КПИ с 1919 г. В 1919 году был Секретарем Окружкома КСМ Польши в Лодзи. В 1926-28 г.г. - член Секретариата ЦК КСМ Польши и представителем ЦК КСМ при КИМ"е. В 1929 г. работал по линии КИМ"а в Чехословакии. В том-же 1929 г. прибыл как политэмигрант в СССР.

В 1931 году, как троцкист, был выведен из состава КИМ"а. Прибыл на Украину в 1934 году.

Сознался. Изобличается показаниями СТАСЯКА, РЫБНИЦКОГО, ГРУДЫ, ЗАДРУЖНОГО, СЕДЛЕНКОГО, КРАВЕЦКОГО, МАЯ Чеслава, ТУТАКОВСКОГО и ДЛУССКОГО.

3. СТАСЯК, он-же БЕРМАН
Виктор Юрьевич

Представитель КПЗУ при Польсекции ИККИ и ЦК КПбУ

Член ВКП(б) с 1919 года.

Еврей, из мелко-буржуазной семьи г.Варшавы. Член КПИ с 1919 г. Занимал ответственные партийные должности:

В 1920 г. - Секретарь Варшавского Комитета КСМ Польши;

В 1926-27 г.г. - Секретарь ЦК КСМ Польши;

В 1928 г. - Уполномоченный ЦК КПИ и руководитель КСМ Польши;

В 1929 г. - представитель КСМ Польши в КИМ"е; в 1930 - 1932 г.г. - член Секретариата ЦК КПИ, в 1933 г. - член Секретариата ЦК КПЗУ.

С того-же времени в СССР

Сознался. Изобличается показаниями КОНЕЦКОГО, ВЕБЕРА, КАРСКОГО, КОРНИОЛЯ и ДЛУССКОГО.

4. ЗАДРУЖНЫЙ, он-же ФИЛЫК
Юрий Эдуардович

Зав.Отделом обзора районных газет редакции "СЕРП"

Член ВКП(б) с 1924 по 1933 г., исключен.

Поляк. Из рабочих. Член КПИ с 1924 года.

В 1924 г. был членом районного комитета КПИ и членом Окружного Комитета КСМ Польши в Лодзи;

В 1926-27 г.г. - Секретарь сельхозотдела ЦК КСМ Польши. В 1927 г. - Секретарь ОК КСМ в Люблине. В 1928 г. - инструктор Военного Отдела ЦК КПИ. Прибыл в СССР в 1929 году.

Сознался. Изобличается показаниями СТАСЯКА, КОНЕЦКОГО, МАЯ Чеслава, РЫБНИЦКОГО, ТУТАКОВСКОГО, СЛИВИНСКОГО, СЕДЛЕНКОГО, ВАЛЬЧАКА.

112

5.

РЫБИЦКИЙ, он-же СКНИДТОВ-СКИЙ

Степан Антонович

Зав.отделом редакции "СЕРП"

Член ВКП(б) с 1924 г.- до проверки партдокументов.

Поляк. Из рабочих, член КПП с 1924 г.
В 1927-1929 г.г.- был Секретарем ОК КСМ Польши в Лодзи и Варшаве; в 1929 г.-член Секретариата ЦК КСМ Польши. Прибыл в СССР в 1929 году.

Сознался.

Изобличается показаниями ЗАДРУЖНОГО, КОНЕЦКОГО, КРАВЕЦКОГО.

6.

ДЛУССКИЙ, он-же ШТИЛЬ

Станислав Яковлевич

Зав.школой КПЗУ.

Член КПП с 1925 г., в ВКП(б) не оформлялся.

Еврей, по анкетам-поляк. Из семьи служащего. Быв. член организации скаутов "Гашомер гапоер" в 1918-1922 г.г.

С 1924 г. ДЛУССКИЙ является членом КСМ Польши. В 1925 г. был членом ОК КСМП в Варшаве. В 1929-1931 г.г., будучи уже членом КПП, занимал должности секретаря Окружного КПП в Варшаве, Лодзи, Петракове, Ченстохове и в Познани. В СССР прибыл в 1934 году.

Сознался.

Изобличается показаниями СТАСЯКА и ЗИММЫ.

7.

ГРУДА, он-же ЛЕМКЕ

Михаил Михайлович

Зав.Партотделом редакции "СЕРП".

Член КПП с 1921 года.

Поляк. Из рабочих. В 1920 году во время наступления Красной Армии на Варшаву, поступил добровольно в польскую армию, где служил до отступления Красной Армии. В 1924-1925 г.г. снова служил в польской армии. С 1928 по 1930 г. был в Международной Ленинской школе в Москве, после возвращения в Польшу - работал в пятерке Военного Отдела ЦК КПП. В 1934 г. руководил профсоюзной работой Варшавского Комитета профсоюзной левой. В СССР прибыл в 1935 году.

Сознался.

Изобличается показаниями КОНЕЦКОГО, ДЛУССКОГО, МАЯ ЧЕСЛАВА, СЕДЛЕНКОГО и ТУТАКОВСКОГО.

8.

КРАВЕЦКИЙ, он-же РЕДЕР

Михаил Семенович

Директор Центральной польской библиотеки в Киеве.

Член КП/б/У с 1930г.

Еврей. Из мелко-буржуазной семьи. Быв. член польской с.д. партии Галиции и Буковины с 1908 по 1918 г. С 1920 г. в КПЗУ. Был инструктором Секретариата ЦК КПЗУ с 1929 г. Прибыл в СССР в 1929 году.

Сознался.

Изобличается показаниями РЫБИЦКОГО, ЗАДРУЖНОГО, СЛИВИНСКОГО, МИХАЙЛОВА-ЛАНИНСКОГО, ГРИЦЕНКО-ЦВЯНСКОГО.

9.

ЛИПИНСКИЙ, он-же ЛЕШИНСКИЙ

Иван Иосифович

Директор польского театра
в Киеве.

Член ВКП(б) с 1911 года.

Поляк. Из рабочих. С 1911 по 1918 г.г. был членом СДКП и Л. С 1918 г. в КПН. До 1920 года был Секретарем Окружных Комитетов КПН в Варшаве, Седлеце и др. В 1920 году обменян, а в 1922 году командирован в Польшу, где был Секретарем ОК КПН в ряде районов. Прибыл в СССР в 1925 году на 4-ую Конференцию КПН и был избран кандидатом в члены ЦК КПН, но остался в СССР.

Не сознался.

Изобличается показаниями КРАВЕЦКОГО, БЕГАНСКОГО, КЛОСА, ЗАДРУЖНОГО.

10.

М А Й

Чеслав Людвикович

Редактор пионерской польской газеты "Бондзь Готув" в Киеве.

Член ВКП(б) с 1928 года.

Поляк. Сын управляющего имением, бежавшего из экономики в начале революции. При вступлении в партию свое происхождение скрыл.

Сознался.

Изобличается показаниями ВАЛЬЧАКА, СЕДЛЕЦКОГО, ТУТАКОВСКОГО, КОНИЩКОГО, ЗАДРУЖНОГО, СЛИВИНСКОГО и др.

11.

ВАЛЬЧАК

Вацлав Антонович

6. Редактор газеты "Глос Млодзехи" в Киеве.

Был членом ВКП(б) с 1927г.
Исключен в 1935 году.

Поляк. Из рабочих. В 1929 году работал в Проскурове по линии ЛКСМ, в 1930 г. был Секретарем Райкома ЛКСМУ в Волочиске — до назначения на должность редактора газеты.

Сознался.

Изобличается показаниями СЛИВИНСКОГО, МАЯ Чеслава, СЕДЛЕЦКОГО.

12.

СЛИВИНСКИЙ

Казимир Антонович

Зам. редактора газеты "Бондзь Готув".

Член КП(б)У с 1927 года.

Поляк. Из крестьян.

Сознался.

Изобличается показаниями ВАЛЬЧАКА, МАЯ, ТУТАКОВСКОГО, СЕДЛЕЦКОГО, ЗАДРУЖНОГО.

14

15

13.

СЕДЛЕНКИЙ

Михаил Васильевич

Ответственный Секретарь
редакции "Глос Млодзехи".

Член ЛКСМУ с 1925 года.

Поляк. Из рабочих. Уроженец Польши, имеет среднее образование. Прибыл в 1923 году нелегально из Польши вместе с группой перебежчиков. Был арестован, освобожден. Находился на школьной работе.

Сознался.

Изобличается показаниями МАЯ Чеслава, СЛИВИНСКОГО, ТУТАКОВСКОГО, ВАЛЬЧАКА РОДАК-РАЙСА.

14.

ТУТАКОВСКИЙ

Сигизмунд Владиславович

Зав.отделом культуры и
науки редакции "СЕРП".

Кандидат КП(б)У с 1932г.

Поляк. Из служащих. По профессии журналист. С 1921 по 1926 г. воспитывался в детском доме, затем был на комсомольской работе, в 1930 г. был Зав. агитпропа Городковского Райкома ЛКСМУ, а затем Зам. редактора газеты "Коллективист Пограничья" в Проскурове.

Сознался.

Изобличается показаниями МАЯ Чеслава, СЕДЛЕНКОГО и СОБЧАКА.

15.

БЕЛЕВИЧ

Бронислав Иосифович

Зам. редактора газеты
"Бондзь Готув".

Член КП(б)У с 1931 года.

Поляк. Из служащих. В 1926-1930 г.г. был секретарем ячеек ЛКСМУ на разных предприятиях. В 1931 г. - Зав. культпропа Райкома ЛКСМУ в Мархлевске.

Сознался.

Изобличается показаниями ТУТАКОВСКОГО, СЕДЛЕНКОГО, МАЯ Чеслава.

16.

СОБЧАК

Иван Станиславович

Зав. сельотделом газеты
"Глос Млодзехи".

Член КП(б)У с 1932 г.

Поляк. Из семьи батрака, уроженец Варшавы, где живут его родные. Имеет среднее образование. Командир взвода запаса. С 1927 по 1932 г. был членом Бюро Мархлевского Райкома ЛКСМУ, а затем Зав. агитпропа Райкома ЛКСМУ. В 1933 г. в РККА секретарем парторганизации в школе одногодичников.

Сознался.

Изобличается показаниями ТУТАКОВСКОГО, СЕДЛЕНКОГО, БЕЛЕВИЧА и МАЯ Чеслава.

17.

СТАНКЕВИЧ

Адольф Фабьянович

Актер польтеатра в Киеве
Беспартийный.

Поляк. Из семьи врача. Получил образование в Польше. Его брат занимает видное положение в промышленных кругах Польши.

Сознался.

Изобличается показаниями ЛОВЖИНСКОГО, МИХАЙЛОВА-ЛАПИНСКОГО, ПОЛИТУРА и ГАЛЕКЕВИЧА (осужденные).

15

19

<p>18. <u>К Л Ю С</u>
Вацлав Иванович
Актер польтеатра в Киеве
Беспартийный.</p>	Поляк. Из семьи экономика помещичьего имения. В 1926 г. по фиктивным документам о социальном происхождении вошел в комсомол, откуда был исключен, как связанный с членами "ЮВ"	<p><u>Сознался частично.</u>
Изобличается показаниями СТАНКЕВИЧА и осужденного члена "ЮВ" МИХАЙЛОВА-ЛАПИНСКОГО.</p>
<p>19. <u>Ж А Ч Е К</u>
Ян Павлович
б. Зав. пионеротделом газеты "Бондзь Готув".
Беспартийный.</p>	Поляк. Из служащих. Брат осужденного активного участника "ЮВ" - Иосифа МАЧЕКА. Быв. член ЛКСМУ.	<p><u>Не сознался.</u>
Изобличается показаниями ВАЛЧАКА, СЛИВИНСКОГО, СОВЧАКА, МАЯ Ч., СЕДЛЕЦКОГО и БЕЛЕВИЧА.</p>
<p>20. <u>ОЛЛАКОВСКИЙ</u>
Евгений Петрович
Ответственный Секретарь Топлиного Комитета при СНК УССР.
Член КП(б)У с 1919 г.</p>	<p>Поляк. Из служащих. Быв. председатель Болынского Губсуда в 1924 г. Быв. Председатель мархлевского Райисполкома в 1925 г. Политредактор Напмениздата в 1934 г.
ОЛЛАКОВСКИЙ является членом "ЮВ" с 1915 г.</p>	<p><u>Сознался.</u>
Изобличается показаниями БЕГАНСКОГО, МАЯ Станислава, ЛАПИНСКОГО.</p>
<p>21. <u>М А Й</u>
Станислав Яковлевич
Секретарь Партийного Комитета Киевского польского института.
Член ВКП(б) с 1917 г.
б. член польской соц. партии в Америке.</p>	Поляк. Из крестьян-бедняков, быв. рабочий. Имеет незаконченное высшее образование. В 1915 г. состоял в польской националистической организации "Сокол польский" в Америке. Вернулся из Америки в 1920 году. В 1924 г. заведывал Польсекцией Губнаробраза в Житомире.	<p><u>Сознался.</u>
Изобличается показаниями ОЛЛАКОВСКОГО, БЕГАНСКОГО МУЛЬКО и ДОБЖИНСКОГО.</p>
<p>22. <u>БЕГАНСКИЙ</u>
Болеслав Иванович
Окружной лесничий в Шепетовке.
Член КП(б)У с 1918 г.</p>	Поляк. Из служащих. В 1924 г. был Зав. Польбиро Житомирского ОК КП(б)У, а затем директором стекольного завода.	<p><u>Сознался.</u>
Изобличается показаниями ОЛЛАКОВСКОГО и МАЯ Станислава.</p>

116

23.

КАЛИНОВСКИЙ
Адам Яковлевич

Без определен. занятий.

Был член ВКП(б) с 1919г.
механически был в
1933 году.

Поляк. Из семьи кустика. Служил в польской
армии. Был секретарь Мархлевского Районного пар-
тийного Комитета в 1924 году.

Не сознался.

Изобличается показания-
ми ОЛДАКОВСКОГО, БЕГАНСКОГО.

СПИСОК
АРЕСТОВАННЫХ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ "ОУН".

16

№ п/п	Фамилия, имя, отчество и последняя должность	Биографические данные и политическое прошлое	ПРИМЕЧАНИЕ.
1.	<u>ЗИММА, он-же КРАНЦ</u> Эдуард Эдуардович Редактор Сталиндорфской районной газеты "Ленин- ский Шлях". Быв. член КПЗУ с 1924г.	Еврей. Из мелко-буржуазной семьи. Быв. инструктор Секретариата ЦК КПЗУ. В СССР прибыл в августе 1932 года. Работал в ЗЕД КПЗУ. Летом 1933 года отозван в Польсекцию ИККИ ЧАРНЫМ.	<u>Сознался.</u> Изобличается показани- ями ВЕБЕРА, ЛОКЕРА, КРАВЕЦ- КОГО.
2.	<u>ВЕБЕР, он-же РОЗЕНБУШ</u> Самуил Петрович Преподаватель немецкого языка в Харькове. Член КПЗУ с 1921 года.	Еврей. Из семьи крупного купца, уроженец Польши. Быв. член Секретариата ЦК КПЗУ. Прибыл в СССР в 1934 году.	<u>Сознался.</u> Изобличается показани- ями СТАСЯКА, ЗИММЫ, КОРНИО- ЛЯ, КОВАЛЬЧУКА-БЕРКОВИЧА И КРАВЕЦКОГО, ЯНИЦКОГО-КОТУЦКО- ГО И МИХАЙЛОРА-ЛАНИНСКОГО.
3.	<u>КОРНИОЛЬ</u> Мойсей Лазаревич Сотрудник радиокомитета в Воронеже. б. член КПЗУ с 1924 года, исключен из партии пос- ле приезда в СССР.	Еврей. Из семьи кустара. Быв. инструктор ЦК КПЗУ прибыл в СССР в 1934 году. Арестован в 1935г. при попытке нелегального перехода в Польшу.	<u>Сознался.</u> Изобличается показани- ями СТАСЯКА, ВЕБЕРА И ЛО- КЕРА.

4.

СТАНИСЛАВСКИЙ
Ян Миронович, он-же
СМЕТАНА Станислав.

Стрелочник ж.д. в Харькове.

б. член КПЗУ, в данное время беспартийный.

5.

КОВАЛЬЧУК, он-же ВЕРКОВИЧ
Антон Борисович

Секретарь Райкома МОПР"а в Одессе.

б. член КПЗУ и КПП, в данное время беспартийный.

6.

ГРИШУЛЯК, он-же ИВАНЕНКО
Иосиф Михайлович

Секретарь Горкома МОПР"а в Ворошиловске.

б. член КПЗУ, ныне беспартийный.

7.

МАСКЕР, он-же БИЗЕНФЕЛЬД
Мойсей Ворухович

Работник Профинтерна в Москве.

б. член КПЗУ.

Поляк. Из рабочих, быв. член "Независимой" партии" Польши, а затем - в КПЗУ занимал должность члена экзекутивы Львовского Округа партии. Прибыл в СССР в 1932 году.

Еврей. Из семьи торговца. Быв. член сионистской организации "Гашомеер". Член молодежной группы "Бунда". Быв. инструктор Львовского Округа КПЗУ. Прибыл в СССР в 1932 году.

Поляк. без определенных занятий, служил в польской армии. В КПЗУ перешел из ИПС-левицы. Быв. окружной работник МОПР"а в Крае. Прибыл в СССР в 1932 году.

Еврей. быв. рабочий, сын торговца, при власти УНР в Галиции занимался спекуляцией. В 1920-1925 г.г., являясь членом КПЗУ, был руководителем Бориславской организации КПЗУ, а в последнее время - руководителем Секретариата КПЗУ. Прибыл в СССР в 1935 году.

Сознался.

Изобличается показаниями ЗИММЫ, КОРНИОЛЯ, ЛОКЕРА

Сознался.

Изобличается показаниями ВЕБЕРА, ЯНИЦКОГО-КОТУЦКОГО и ГАУСМАН-ГОРИНСКОГО.

Сознался.

Изобличается показаниями МИХАЙЛОВА-ЛАПИНСКОГО и ЯВОРСКОГО.

Не сознался.

Изобличается показаниями ЗИММЫ, КРАВЕЦКОГО, ВИНКОВСКОГО, ЛОКЕРА и осужденного КУЛИКА-КАРСКОГО.

8.

ЛОКЕР
Илья Борухович

Член КПЗУ. с 1928 года.

Еврей. Сын торговца, уроженец Польши. Быв. инструктор Секретариата КПЗУ — до прихода на Украину. Арестован при переходе границы в 1935 году по несуществующему паролю.

Сознался.

Изобличается показаниями ЗИММЫ, КОРНИОЛЯ, СТАНИСЛАВСКОГО.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого КОНЕЦКОГО (он-же РОЗИН) Иосифа Альбертовича

бывшего Пом. зав. культпропа
Ц.К. К.П.(б) У.

От 3, 4, 8 октября и
1 ноября 1935 года.

121
21

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого КОНЕЦКОГО /он же РОЗИН /
Иосифа Альбертовича, быв. помощника
Заведывающего Культпропа ЦК КП/б/У.

3 октября 1935 года.

ВОПРОС: В Ваших показаниях - заявлении от 1 октября Вы указали о причастности Вашей к контрреволюционной деятельности. Изложите, к чему сводилась Ваша деятельность за время Вашего пребывания в КПП - в Польше.

ОТВЕТ: Я начал перерождаться и фактически отходить от партии в конце 1927 года в Польше, когда я, состоя во фракции меньшинства в КПП, начал ставить интересы фракции выше партийных интересов. К этому времени я был самым тесным образом связан с МАРЕКОМ, который тогда был секретарем ЦК КСМП - СТАСЯКОМ - членом секретариата ЦК КСМП, ЛИМАНОВСКИМ - член секретариата ЦК КСМП. Наша группа вела фракционную борьбу таким образом, что всячески прикрывала политические ошибки, совершаемые нами, выпячивая и раздувая политические ошибки, совершаемые членами фракции так называемого большинства. Наша группа старалась к каждому Пленуму ЦК КПП или ЦК КСМП притти с какими-либо "сенсационными достижениями", чтобы раздуть значимость и роль нашей группы.

Эта борьба, ведшаяся не в интересах партии, а в интересах нашей группы, приводила к тому, что мы оказывались зачастую в руках контрреволюционных сил - прямых ставленников Пилсудчины - ЛИМАНОВСКОГО и ЖАРСКОГО, что приводило к разложению партийных рядов - вместо укрепления революционной борьбы. Осенью 1928 года я уехал из Польши в Москву - в эмиграцию.

Перед отъездом я говорил с МАРЕКОМ — из членов нашей группы. Я не получил ни от кого каких либо указаний о контрреволюционной работе, которую я должен проводить в Советском Союзе, а моя последующая контрреволюционная деятельность в Союзе вытекала из того, что я, уезжая из Польши, был уже перерожденцем и не был коммунистом.

ВОПРОС: С кем Вы были связаны по контрреволюционной работе в Москве?

ОТВЕТ: Еще в 1926 году, когда я временно приехал Из Польши в Москву, я познакомился с рядом работников Исполкома КИМ"а, где и я тогда работал: ДОМИНАДЗЕ — который тогда был секретарем КИМ"а, НАСОНОВ — работник КИМ"а. МАЗУТ — работник КИМ"а, АРКАЛЬЕВ — работник КИМ"а, АБУГОВ и ФОКИН — также работавшие в КИМ"е.

Тогда я пробыл в Москве год и вернулся в Польшу. После моего окончательного приезда в СССР в 1929 году, я с перечисленными лицами очень сблизился. Сближение с ними произошло на почве того, что мои троцкистские взгляды и настроения совпадали с настроениями, которые господствовали среди этих лиц. Я бывал тогда очень часто у НАСОНОВА, где собирались АРКАЛЬЕВ, МАЗУТ, ФОКИН, АБУГОВ и ГОРИН — с которым я познакомился уже после второго приезда в Москву. Эта группа, возглавлявшаяся ДОМИНАДЗЕ, представляла из себя троцкистскую группу. Наши совместные беседы велись в основном по следующим направлениям:

1. Подвергалась резкой троцкистской критике политика ВКП/б/ и Коминтерна по международным вопросам;
2. О внутри-партийном положении в ВКП/б/ велись разговоры о существующем зажиме самокритики, карьеризме.

ЛОМИНАЛЗЕ даже в одном разговоре, когда присутствовали ЛОМИНАЛЗЕ, МАРЕК, НАСОНОВ, МАЗУТ и я, выразился, что неизвестно еще какой террор хуже, физический ли террор, имеющий место в Польше против коммунистов, или моральный террор в СССР.

3. Велись разговоры о фактах, свидетельствующих о разложении ответственных людей в советском и партийном аппарате;

4. В отношении отдельных руководящих работников Коминтерна и ВКП/б/ велись разговоры, направленные на их политическую дискредитацию. В частности помню, что такие разговоры велись о тов. МАНУИЛЬСКОМ и ЯРОСЛАВСКОМ.

5. Во время трудностей, связанных с коллективизацией, проводилась яркая троцкистская критика мероприятий и линии партии, выражавшаяся в том, что невозможно перевести на социалистические рельсы сельское хозяйство, что коллективизация угрожает разрывом между рабочим и крестьянством, приводились факты голода на селе.

Приблизительно в 1932 году, во время последнего приезда МАРЕКА в Москву, МАРЕК выразил желание встретиться с ЛОМИНАЛЗЕ. МАРЕК к этому времени хорошо знал на каких позициях стоит ЛОМИНАЛЗЕ. Я организовал МАРЕКУ встречу с ЛОМИНАЛЗЕ через НАСОНОВА, который связался с ЛОМИНАЛЗЕ, пригласил его к себе и сообщил об этом мне и МАРЕКУ. В комнате НАСОНОВА в гостинице "ЛЮКС" состоялась эта встреча, на которой присутствовали: ЛОМИНАЛЗЕ, МАРЕК, НАСОНОВ, МАЗУТ, я - КОНЕЦКИЙ. Кажется, присутствовал и АРКАДЬЕВ, но точно я этого не помню. МАРЕК информировал собравшихся о положении в КПП. После этого велись разговоры по ряду международных вопросов, особенно о положении в Германии, которые в оценке присутствующих носили явно антипартийный, троцкистский,

контрреволюционный характер. Далее ЛОМИНАДЗЕ говорил о положении в Советском Союзе, причем это носило форму ответов ЛОМИНАДЗЕ на вопросы МАРЕКА и других присутствующих. В этом разговоре имели место явно контрреволюционные заявления ЛОМИНАДЗЕ, не встретившие никакого отпора со стороны кого-бы то ни было из присутствовавших, вернее - воспринятые нами с сочувствием. Особенно мне врезалась в память, что ЛОМИНАДЗЕ заявил о терроре - моральном в СССР и сравнивал это с террором против коммунистов в Польше. Перед тем, как разойтись, ЛОМИНАДЗЕ договаривался с МАРЕКОМ, что надо будет организовать с дальнейшим такие встречи. В этот же приезд МАРЕКА, через два-три дня, после встречи МАРЕКА с ЛОМИНАДЗЕ / или возможно за 2-3 дня до этой встречи / МАРЕК просил меня организовать ему встречу с ГЕЙНЦОМ НЕЙМАНОМ - членом Политбюро компартии Германии, который тогда находился в резкой оппозиции к руководству Компартии Германии и организовал свою фракцию, ведущую активную борьбу против КПП и Коминтерна. Эта встреча - между МАРЕКОМ и НЕЙМАНОМ состоялась у меня в комнате в "ЛЮКСЕ", присутствовали МАРЕК, НЕЙМАН и я. НЕЙМАН подробно изложил позицию своей фракции, которая носила ярко выраженный троцкистский характер. Он также указал какие организации в Германии на стороне его фракции и каким образом он рассчитывает добиться захвата руководства в КПП. Он указывал, что было бы очень полезно, чтобы КПП оказала содействие его фракции и этого он искал во встрече с МАРЕКОМ. Высказывания МАРЕКА сводились к тому, что он дал ряд указаний НЕЙМАНУ об опасностях, связанных с некоторыми мероприятиями фракции НЕЙМАНА и о том, что нужно предпринять, чтобы избежать этих опасностей. Беседа наша кончилась условием дальнейших встреч. Таким образом, группа МАРЕКА в КПП, к которой я примыкал, являлась

контрреволюционной, троцкистской группой, устанавливавшей связи с подобными же контрреволюционными, троцкистскими группами в ВКП/б/ / группа ЛОМИНАЛЗЕ/ и в КИГ / группа НЕЙМАНА/.

ВОПРОС: В чем выразилась Ваша контрреволюционная работа на Украине?

ОТВЕТ: На Украину я приехал в конце марта 1934г. Польской работой вплотную я занялся после переезда ЦК КП/б/У в Киев. Моя контрреволюционная националистическая работа на Украине выразилась в следующем:

1. В подборе и прикрытии националистических, пилсудчиковских элементов в редакциях польских газет /МАЙ, ТУТАКОВСКИЙ и др./ и в польский пед.институт/ МАЙ Станислав/.

2. В националистических, контрреволюционных установках, которые я давал ряду лиц, находившихся на польской работе, или имевших к ней близкое отношение / СОСНОВИЧ, ПИЛЕЦКИЙ, ГРУДА, ГРАНД, СТАСЯК/.

3. В реагировании и оценке ряда мероприятий ЦК КП/б/У по польским вопросам на Украине - в националистическом, контрреволюционном духе / вопрос о Мархлевском районе, о польских школах и газетах/.

4. В конце августа 1935 года я в Киеве виделся с ЛЕНОВИЧЕМ - членом КПШ, который должен был вернуться из Союза в Польшу на работу. В разговоре с ним, касаясь польской работы на Украине, я дал этой работе националистическую контрреволюционную оценку по вопросам о проверке парт.документов у б.членов КПШ по вопросу о польских школах, резко высказываясь

126
- 6. 28
113

против линии, проводимой партией на Украине в польском вопросе. ЛЕНОВИЧ со мной целиком согласился и посоветовал мне добиться от польсекции Коминтерна, чтобы меня с Украины забрали. Я и сам высказал перед ЛЕНОВИЧЕМ опасение, что я могу на Украине потерять партбилет. Оценивая всю свою работу на Украине по существу, я признаю, что это было продолжение и прикрытие той неовяцкой, контрреволюционной работы, которая велась и раньше до моего приезда, на Украине.

Изложенное верно, с моих слов записано правильно, в чем и подписываюсь.

КОНЕЦКИЙ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ.1 ОТДЕЛЕНИЯ ОО

/ДЕТИНКО/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого КОНЕЦКОГО (он же РО-
ЗИН) Иосифа Альбертовича, бывшего
помощника заведующего Культпропа
ЦК КП(б)У.

4-го Октября 1935 года.

ВОПРОС: Что Вам известно о СОСНОВИЧЕ и его контр-
революционной деятельности на Украине?

ОТВЕТ: С СОСНОВИЧЕМ я впервые познакомился в конце
1922 года в тюрьме в Макатове, где мы сидели по разным делам
и в разных камерах. Я уже был тогда осужден, а СОСНОВИЧ был
недавно арестован. Как он был освобожден - я не помню. Мне из-
вестно, что СОСНОВИЧ происходит из семьи довольно известного
польского литератора. Отец его - ТОМ, член ППС, являвшийся ак-
тивным пилсудчиком, был литературным сотрудником центрального
органа ППС - "Работник". Отец СОСНОВИЧА еврей, принявший кре-
щение. Знаю, что СОСНОВИЧ был в близких и нормальных отношениях
с отцом, который ему всегда и во всем помогал. После моего пер-
вого знакомства с СОСНОВИЧЕМ, я второй раз встретился с ним
уже в 1926 году в Москве, где я от него принимал дела, как
представитель КСМШ при КИМ"е. В это же время он учился в между-
народной ленинской школе в Москве. Тут наступило наше первое
сближение на почве совместной принадлежности к фракции меньши-
нства в КПШ. В период с 1927 по 1934 г. я многократно встре-
чался с СОСНОВИЧЕМ в Москве, в Германии и Польше - во время
различных с"ездов, пленумов и т.п.. Но эти встречи были непро-

должительны. Настоящее, очень тесное сближение между мной и СОСНОВИЧЕМ произошло после его приезда на Украину — в конце 1934 или начале 1935 года (точно времени его приезда я не помню). Здесь в Киеве мы начали встречаться с СОСНОВИЧЕМ ежедневно. На основе нашего сближения мы относились друг к другу с полным доверием и делились всей нашей работой. После ряда бесед с СОСНОВИЧЕМ по вопросам о польской науке, о польской литературе, польской культуре и ряда последующих разговоров с ним, я убедился в том, что СОСНОВИЧ является польским националистом. Когда возник вопрос о необходимости реорганизации польских школ, которые были искусственно насаждены пеовяками, руководившими польской работой на Украине, а также вопрос о польских сельсоветах и о районных польских газетах, СОСНОВИЧ все это воспринимал явно националистически, чрезвычайно болезненно воспринимая линию ЦК КП(б)У по этим вопросам. Он доказывал неправильность решения ЦК КП(б)У о ликвидации Марклевского района, видя в этом прямое нарушение национальных прав и стремлений польского населения Мархлевщины. Он считал абсолютно недопустимым реорганизацию так называемых польских школ в Мархлевском районе. Когда мы с СОСНОВИЧЕМ были в Мархлевске, он с большим возбуждением старался найти даже мелочные факты, якобы подтверждающие, что там живут "настоящие поляки, и исключительно болезненно воспринимал всякие явления, противоречащие его тезису о Мархлевске, как о настоящем польском районе:

ВОПРОС: Что Вам известно относительно практической контр-революционной националистической деятельности СОСНОВИЧА, вытекавшей из его националистических убеждений?

ОТВЕТ: Мне известно, что СОСНОВИЧ отстаивал в редакциях польских газет лиц, совершавших явно контр-революционные "ошибки" националистического характера, тем самым давая им возможность дальше продолжать эту контр-революционную работу. СОСНОВИЧ отстаивал в польской работе на Украине неовяцкие установки по вопросам польских сельсоветов, школ, "чистоты" польского языка и районных польских газет, т.е. по сути дела, он продолжал неовяцкую линию в польской работе на Украине. Об этой деятельности и настроениях СОСНОВИЧА известно не только мне, но и ПИЛИЦКОМУ и СТАСЯКУ, который целый ряд указанных фактов, касающихся СОСНОВИЧА, могут подтвердить. Относительно прошлого СОСНОВИЧА добавляю; как мне стало известно незадолго до моего ареста, от СТАСЯКА, — СОСНОВИЧ послал ГРУДУ в Москву с поручением привезти письменные свидетельства от РВАЛЯ о том, что СОСНОВИЧ в 1920 году пошел добровольцем в польскую армию по поручению партии. СТАСЯК тогда же рассказывал мне и СОСНОВИЧУ, что РВАЛЬ был этим возмущен, отказался дать такое свидетельство, т.к. он в прошлом не давал СОСНОВИЧУ подобных поручений. СОСНОВИЧ, присутствовавший при этом разговоре смутился и объяснил, что ГРУДА напутал, что он СОСНОВИЧ просил ГРУДУ зайти к КРАЕВСКОМУ за этой справкой, а не к РВАЛЮ.

Изложенное верно, с моих слов записано правильно, тв чем подписываюсь.

КОНЕЦКИЙ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ 1 ОТДЕЛЕНИЯ ОО

(ДЕТИНКО)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого КОНЕЦКОГО (он же РО-
ЗЕН) Иосифа Альбертовича, бывшего
помощника заведующего Культпропа
ЦК КП(б)У.

От 8-го Октября 1935 года.

ВОПРОС: В показаниях от 5-го Октября с.г. Вы
называете МАМИШВИЛИ, находившегося в ссылке за принадлежность
к троцкизму. Что Вам о МАМИШВИЛИ известно?

ОТВЕТ: С МАМИШВИЛИ я впервые столкнулся в
Москве в конце 1926 года, когда я был представителем ЦК КСМП
при КИМ^е. В тот период МАМИШВИЛИ был ярким и весьма активным
троцкистом, принимал участие в троцкистских собраниях и прово-
дил активную троцкистскую работу. Знаю, что он тогда был очень
близок к ЗИНОВЬЕВУ и польским троцкистам Рене БУДЗИНСКОЙ, ПНЕ-
БНШЕВСКОМУ, Зоське УНШИНХТ, а также к известному троцкисту
ВУОВИЧУ. Через некоторое время, точно времени не знаю, МАМИШВИ-
ЛИ был как троцкист арестован и сослан.

В 1928 или 1929 г. МАМИШВИЛИ пришел ко мне
домой в Москве. Он мне рассказал, что отошел от троцкизма и
работает на каком то строительстве. Уже работая на Украине --
в 1935 году, я просматривал список поляков-коммунистов для
того, чтобы выбрать людей пригодных для польской работы. В
этом списке я наткнулся на МАМИШВИЛИ. Когда я просматривал
в учете ЦК КП(б)У личное дело МАМИШВИЛИ, то оказалось, что в
анкете, им заполненной, не указано, что он был троцкистом и
был в ссылке. Мне известно, что МАМИШВИЛИ работает начальни-

ком Макеевского строительства. О прошлом МАМИШВИЛИ знаю, что он уроженец Польши, по национальности поляк, отец его помещик, в Польше МАМИШВИЛИ работал в Комсомоле и в СССР приехал на школу КПШ. МАМИШВИЛИ — это фамилия, которой он начал называться по приезду в СССР. Партийный его псевдоним в Польше был "АДОЛЬФ", настоящую его фамилию я не помню.

После 1928 или 1929 г. я лично с МАМИШВИЛИ не встречался. Дополняю, что и в Польше МАМИШВИЛИ был ультра-левым.

ВОПРОС: Имел ли МАМИШВИЛИ какое либо отношение к группе "МАРЕКА"?

ОТВЕТ: Нет, никакого отношения МАМИШВИЛИ к группе "МАРЕКА" не имел и личной связи с ним также не имел.

ВОПРОС: С какого времени Вы были связаны с "МАРЕКОМ" и при каких обстоятельствах Вы с ним сблизились?

ОТВЕТ: С МАРЕКОМ я впервые познакомился в конце 1921 или в начале 1922 г., когда он приезжал в Лодзь в качестве представителя партии из Варшавы — по организации комсомола. Он тогда приезжал в Лодзь в качестве представителя партии из Варшавы — по организации комсомола. Он тогда приезжал в Лодзь два раза. В конце 1922 года я был под арестом в Мокотовской тюрьме в Варшаве, где в это же время сидел "МАРЕК", но в другой камере. Тогда мы немного ближе познакомились. В 1924 г. я встретился с "МАРЕКОМ" в Белостокской тюрьме, мы сидели продолжительное время в одной камере и тогда я очень сблизился с "МАРЕКОМ".

Я тогда узнал от "МАРЕКА", что он в прошлом был членом партии поалей-цион и секретарем ЦК Молодежной орга-

низации Поалей-цион. В этот период секретарем ЦК Поалей-Цион был ГЕНРИКОВСКИЙ (настоящая фамилия АМСТЕРДАМ), о котором мне известно, что он происходит из Нового Сонча-Галиция, кончил в Вене юридический факультет, был офицером австрийской армии, кажется был одно время в галицкой ППС, из которой выступил после Львовского еврейского погрома в 1918 или 1919г. и вступил в "Поалей цион", где он был руководителем партии.

В 1920 или 1921 году "МАРЕК" вместе с ГЕНРИКОВСКИМ были в Москве на Конгрессе Коминтерна и вели переговоры о вступлении в партии "Поалей-цион" в Коминтерн. "МАРЕК" в Москве тогда же примкнул к Коминтерну и вернулся в Польшу уже для работы по организации комсомола. ГЕНРИКОВСКИЙ же тогда не принял условий Коминтерна и вернулся в Польшу еще как поалей-ционист и только через некоторое время он примкнул к компартии.

За время моего совместного нахождения с "МАРЕКОМ" в Белостокской тюрьме в 1924-25г.г. у нас с ним установились исключительно близкие, дружеские взаимоотношения. "МАРЕК" пользовался огромным авторитетом среди политзаключенных, читал лекции, занимался с заключенными, почти все время был старостой камеры или тюрьмы. При всех своих больших званиях, "МАРЕК" и тогда обнаруживал совершенно некоммунистические взгляды. Припоминаю, что "МАРЕК" тогда в 1924-25г.г. говорил о ЛЕНИНЕ, что ЛЕНИН ничего не внес в теорию революционной борьбы. "МАРЕК" утверждал, что книга ЛЕНИНА "государство и революция" это попросту подбор отдельных цитат из МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, без какой бы то ни было собственной новой мысли. "МАРЕК" утверждал, что книга ЛЕНИНА "империализм" - это попросту популярная брошюра, излагающая капитальный марксистский труд ГИЛЬФЕРДИНГА "финансовый капитал".

В политической оценке того периода "МАРЕК" отстаивал стабилизационные возможности капитализма, становясь на чисто

опportunистическую точку зрения. Я расстался тогда с "МАРЕКОМ" летом 1925 года, когда его перевели в Варшавскую тюрьму. Я был освобожден в январе 1926 г., а "МАРЕК" был освобожден в июле-августе 1926 года.

Немедленно после его освобождения я с ним виделся в Варшаве и продолжал поддерживать с ним самую тесную связь.

Примерно в июле 1926 года, когда в КПП образовались две фракции - большинства и меньшинства "МАРЕК" после освобождения не примкнул ни к какой фракции, а вместе с тогдашним секретарем ЦК комсомола ЛИМАНОВСКИМ на пленуме ЦК КПП выдвинул самостоятельные тезисы - промежуточные между большинством и меньшинством. Через непродолжительное время "МАРЕК" был выдвинут секретарем ЦК комсомола и вместе с ЛИМАНОВСКИМ примкнул к меньшинству, где стал руководителем меньшинства в комсомоле. "МАРЕК" в комсомоле имел большой, непререкаемый авторитет.

ВОПРОС: В предыдущих показаниях вы указали, что "МАРЕК" возглавлял антипартийную группу, в которую входили и вы и которая вела групповую антипартийную борьбу в партии. К какому времени относится возникновение этой группы "МАРЕКА"?

ОТВЕТ: не могу указать когда "МАРЕК" и его ближайшее окружение - стали группой. Дело происходило следующим образом: "МАРЕК" человек большой воли, очень властолюбивый, не любящий быть в тени и стремящийся к руководящему положению в партии. На определенную группу лиц "МАРЕК" имел очень большое влияние. Кроме того было ряд лиц и даже групп, которые также находились под его влиянием. Из всех этих людей постепенно определялись лица наиболее близко стоящие к "МАРЕКУ" для которых он был непоколебимым авторитетом и к которым относился с полным доверием. Эти люди ("МАРЕК", Я-КОНЕЦКИЙ, СТАСЯК,

ЛИМАНОВСКИЙ, КОВАЛЬЧУК, РОВИНСКИЙ) в конце концов и составили группу "МАРЕКА", которая перестала бороться во имя интересов партии, а боролась в интересах группы "МАРЕКА", т.е. превратилась в антипартийную контрреволюционную группу.

Приблизительно с 1930-31 г. "МАРЕК" развивал теорию относительно руководства КПП, которая выражалась в следующем: неправильна линия Коминтерна на то, чтобы в руководстве КПП поставить людей из СДКП и Л., как партии наиболее близкой в прошлом к большевикам. "МАРЕК" считал, что Польша находится в особых условиях, так как там кадры воспитывались в условиях войны 1920г. и 15-ти летней подпольной борьбы, в условиях фашизма, террора и т.п. Поэтому он считал, что нельзя ориентироваться на СДКП и Л. при подборе руководства партией, а надо выдвигать новых людей, независимо от того из какой партии эти люди пришли в КПП. Эта теория выдвигалась "МАРЕКОМ" и раньше, так как я помню, что в 1929г. "МАРЕК" мне говорил, при нашей встрече в Берлине, что уже определенное время фактически партией руководят "МАРЕК" (быв. Цаoley-ционист), СОХАЦКИЙ (быв. генеральный секретарь ППС), РИПТ (старый член ППС-левица), СПИС (состоял в разных партиях).

Через некоторое время, когда "МАРЕК" начали отодвигать от руководства партией, он особенно сильно развивал свою теорию, но проявлял в этом большую осторожность. Так, когда он был заинтересован в привлечении на свою сторону какого либо активиста из КПП, он старался лично на него возможно меньше воздействовать, чтобы не возбуждать подозрений относительно своей групповой деятельности, а поручал это мне и другим наиболее близким к нему лицам.

"МАРЕК" в конспиративности своей группы работы доходил до того, что рвал связь с людьми, которые целиком стояли на его стороне, но недостаточно осторожно и умело проводили его - "МАРЕКА" позиции, как это было со Стефаном РОВИНСКИМ.

В 1932 году, когда я жил в Москве, "МАРЕК" приехал из Страны и в день приезда пришел ко мне. Первые дни он говорил, что приехал не короткое время и что возвращается за границу. Но потом оказалось, что его обратно за границу не пускают, он был очень удручен этим, рассматривая это как доказательство того, что его отодвинули от непосредственного руководства КПШ. Именно в этот период "МАРЕК" проявлял исключительную осторожность в осуществлении своего влияния на то или иное интересующее его лицо.

ВОПРОС: Были ли в КПШ активисты, особенно резко выступавшие против "МАРЕКА" и разоблачавшие его групповую работу?

ОТВЕТ: Конечно, такие люди были. Со слов "МАРЕКА" я знаю что особенно непримиримо выступал против "МАРЕКА" — Метек РЕДЬКО который был одним из руководителей КСМН, а потом — членом ЦК КПШ. Настоящая его фамилия, кажется, МИНЦЕНМАХЕР, он еврей, рабочий, в прошлом сидел в тюрьме, типичный профессиональный революционер. РЕДЬКО стоял за то, чтобы в руководстве КПШ были только испытанные, старые большевики и бывшие члены СДКП и Л., эти свои позиции он в разговоре со мной точно излагал, когда я виделся с ним в Москве в 1932 году у меня дема. Как в этом вопросе, так и в целом ряде других актуальных политических вопросов. РЕДЬКО остро критиковал позиции "МАРЕКА". Таким образом РЕДЬКО с сугубо принципиальных позиций боролся с "МАРЕКОМ". "МАРЕК" же обвинял все время РЕДЬКО в том, что эта борьба носит личный характер против "МАРЕКА", что РЕДЬКО хочет оттолкнуть "МАРЕКА" от руководящего положения в партии.

Приблизительно к концу 1932 г. точно времени не помню "МАРЕК" уехал из Москвы обратно в Польшу. Не знаю когда вернулся в Страну РЕДЬКО, но его возвращение туда также относится примерно к 1932 или началу 1933 г.. В 1933 г. РЕДЬКО был найден

где то под Варшавой убитым, сильно изуродованным. Об этом убийстве много говорили в Москве среди членов КПС, однако, кто и при каких обстоятельствах убит РЕДКО — для меня совершенно неизвестно.

"МАРЕК" вскоре после возвращения в Польшу был арестован. Жена "МАРЕКА" живет в Москве и я с ней виделся когда приезжал туда в мае 1935г.. Перед отъездом "МАРЕКА" в Польшу он фактически разошелся с женой, но теперь она мне рассказывала, что "МАРЕК" ей пишет письма из тюрьмы. Жена "МАРЕКА" мне рассказала, что в Варшаве живет ее сестра Цидя, которая сообщила, что там готовилось освобождение "МАРЕКА" из тюрьмы по болезни и что он потерял много в весе. Однако через некоторое время "МАРЕКА" перевели в другую тюрьму и поэтому расстроился вопрос с освобождением. В августе 1935г. жена "МАРЕКА" приехала из Москвы в Киев ко мне и я ее устроил в доме отдыха на лечение.

Изложенное верно, с моих слов записано правильно, в чем подписываюсь.

КОНЕЦКИЙ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ. ОО УГБ НКВД УССР и КВО (АЛЕКСАНДРОВСКИЙ)
ПОМ. НАЧ. ОО ГУГБ НКВД СССР (ГЕНДИН)

ПРИСУТСТВОВАЛ: НАЧ. 1 ОТДЕЛЕНИЯ ОО УГБ
НКВД УССР и КВО (ЛЕТИНКО)

137
~~28~~

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого **КОНЕНКОГО** (он же **РОЗИН**)
Исидора Альбертовича, бывшего Помощника
Заведывающего Культурона ЦК КП(б) У

1 ноября 1935 года

ВОПРОС:- Когда, где и при каких обстоятельствах Вы познакомились с **МАРЕКОМ**?

ОТВЕТ:- Впервые я встретился с **МАРЕКОМ** в конце 1921 года, когда он приезжал в Лодзь из Варшавы, как представитель организационного центра по созданию комсомола Польши.

Вторично я с ним встретился в Мокотувской тюрьме в Варшаве, где он и я сидели по обвинению в коммунистической деятельности. В связи с тем, что мы сидели в разных камерах, я с ним встречался только на прогулках или при переходах из камеры в камеру.

В 1923 году будучи переведен в Белостокскую тюрьму, я снова встретился с находившимся уже там **МАРЕКОМ**, с которым я уже сидел в одной камере до 1925 года. В этот период я очень сблизился с ним и продолжал находиться с **МАРЕКОМ** в весьма близких отношениях до последнего времени.

После освобождения из тюрьмы в 1926 году, я систематически встречался с **МАРЕКОМ** в Польше, Москве и Германии.

ВОПРОС:- Подробно изложите, что Вам известно о контр-революционной деятельности **МАРЕКА**?

ОТВЕТ:- За все время своей работы в КПИ **МАРЕК** своей деятельностью разлагал партию и боролся против револю-

37

ционного движения в Польше, блокируясь в этих целях от крайних правых до контр-революционных троцкистов.

Уже в 1922 году, находясь в Мокотувской тюрьме МАРЕК тесно увязался и об"единился с руководителем крайней правой группы БРАНДОМ, проводя активную работу, отстаивая поддержку Пилсудского в его борьбе против группы КОФАНТЫ.

Тогда же вместе с БРАНДОМ он отстаивал ту точку зрения, что Октябрьская революция в СССР не социалистическая, а буржуазная.

В 1923-1925 годах МАРЕК находясь в Белостокской тюрьме также проводил большую политическую работу. О содержании этой работы свидетельствует его контр-революционное отношение к ЛЕНИНУ. МАРЕК утверждал, что ЛЕНИН в своей работе "Империализм как последний этап капитализма" ничего нового не внес, что работа ГИЛЬФЕРДИНГА "Финансовый капитал" стоит значительно выше и является более серьезным марксистским произведением нежели работа ЛЕНИНА. Также контр-революционно оценивал он работу ЛЕНИНА "Государство и революция".

После освобождения из тюрьмы летом 1926 года МАРЕК занял выжидательную позицию в той фракционной борьбе происходившей в то время в КПП.

В августе 1926 года на пленуме ЦК КПП МАРЕК совместно с ЛИМАНОВСКИМ выступил со своими тезисами.

Приехав с пленума в качестве секретаря ЦК КСМ Польши, МАРЕК присоединился к меньшинству и вскоре стал одним из руководителей этой фракции.

Приблизительно в 1926-1927 годах МАРЕК создал в КПП группу, в которую в основном входили выходцы из других партий.

88

К этому периоду относится полный захват им руководства ЦК КСМ Польши и активная борьба за руководящее место в КПП. В достижении этих целей он не брезгал никакими средствами.

Используя свое положение в партии МАРЕК и его группа проводила контр-революционную, направленную против партии работу, вносящую разложение в ряды партии и тем самым проводившую фашистскую пилсудчиковскую политику.

Внешне выступая за Коминтерн и ЦК ВКП(б), МАРЕК фактически дискредитировал и руководство Коминтерна и ЦК ВКП(б). Тогда он стремился к привлечению к руководству КПП выходцев из других партий - ППС, П-Ц и т.д.

В 1929 году МАРЕК занял одно из руководящих мест в КПП и тесно объединился с ЖАРСКИМ и СОХАЦКИМ. В это время МАРЕК решительно стремился к монополии руководства в КПП, к привлечению в руководство КПП выходцев из других партий, "бывших" пилсудчиков и т.п. резко выступая против попыток создания руководства из старых большевиков и членов СДКП и Л.

После прихода нового большевистского руководства в КПП, влияние МАРЕКА начало сильно падать и он в борьбе за сохранение своих позиций пошел на блок с ПУРМАНОМ, хотя впоследствии на 5-м съезде КПП под нажимом выступал против него.

В 1932 году МАРЕК приехав в Москву, был резко настроен против руководства КПП, ВКП(б) и Коминтерна. В это же время он связывается и блокируется с контр-революционной троцкистской группой ЛОМИНАДЗЕ в ВКП(б) и группой НЕЙМАНА в КПГ.

В связи с тем, что контр-революционный характер группы МАРЕКА начал выявляться и встречать сопротивление со стороны руководства КПП, МАРЕК ведет свою групповую работу исключительно конспиративно. Маскируя свою деятельность МАРЕК избе-

140
28

гал во время пребывания в Москве, встреч со своими сторонниками дабы не навлечь на себя подозрения.

Таким образом, вся деятельность МАРЕКА и его группы была направлена к разложению революционного движения и рядов КПП, являясь проводником фашистских пилсудчикевских идей.

ВОПРОС:- Когда Вы примкнули к контр-революционной группе МАРЕКА?

ОТВЕТ:- Приехав в конце 1927 года из Москвы в Варшаву, я застал там уже сформировавшуюся группу МАРЕКА, к которой примкнул, будучи еще ранее связанным с МАРЕКОМ.

ВОПРОС:- Какая конкретно контр-революционная работа проводилась Вами?

ОТВЕТ:- Находясь в группе МАРЕКА я проводил работу по внедрению троцкистских взглядов среди членов КПП и всячески старался отстаивать авторитет МАРЕКА. В 1932 году после приезда МАРЕКА в Москву я по его предложению организовал ему встречу с группой ЛОМИНАДЗЕ и НЕЙМАНОМ.

Входя в группу МАРЕКА я проводил контр-революционную националистическую и троцкистскую работу, направленную против партии и революционного движения в Польше и против Сов-власти и СССР в интересах польского фашизма.

Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны в чем и расписываюсь.

К О Н Е Ц И Й

ДОПРОСИЛ: ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО

(ПРИГОВ)

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого СТАСЯКА (он-же БЕРМАН) Виктора Юрьевича

бывшего представителя КПЗУ
при польсекции ИККИ и ЦК КП(б)У

От 5 октября и 3 ноября
1935 года.

141
41

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого СТАСЯКА /он-же БЕРМАН/
Виктора Юрьевича, бывш. представите-
ля КПЗУ при Польсекции ИККИ и ЦК
КП/б/У.

от 5 октября 1935 года.-

ВОПРОС: В Ваших показаниях Вы указывали, что Ва-
шей задачей в СССР являлось наладить польскую работу на
Украине и оградить ее в к-р. целях от влияния органов ЦК
КП/б/У. Что было сделано Вами для осуществления этой зада-
чи в течение 2-х летнего пребывания в СССР?

ОТВЕТ: Систематическую контр-революционную
борьбу против партии я начал проводить с момента моего
вступления в к-р. группу "МАРЕКА" -ЛЯМПЕ в 1930-1931 г.г.
Эта группа, в интересах пильсудчины ставила перед собой
целью подорвать единство партии и свергнуть установлен-
ное Коминтерном руководство во главе с ЛЕНСКИМ.

После разгрома группы "МАРЕКА" я перешел на
работу в КПЗУ./ Благодаря моей к-р. деятельности в КП/.
Я и здесь связался с к-р. националистической группой БА-
РАБЫ и КОСАРЯ, действовавшей также по разложению КПЗУ, и
вместе с ними проводил линию, направленную на развал ре-
волюционного движения на Западной Украине.

В 1933 году я приехал в СССР. К тому времени
контр-революционная деятельность в КПЗУ уже вскрывалась
внутрипартийной комиссией. Я в к-р. целях, и желая спасти
свое положение в СССР, вел линию, чтобы смазать и скрыть
действительное положение в КПЗУ.

Таким образом, приехав в СССР, я с самого нача-
ла продолжал свою контр-революционную работу в партии.

142
42

После перехода на работу представителем КПЗУ в КП/б/У, что удалось мне благодаря тому, что я скрыл свою к-р. деятельность, я оставался по существу врагом партии.

В октябре месяце 1934 года, когда на Политбюро КПЗУ стоял вопрос о партийной принадлежности ВЕБЕРА, я, заведомо зная о его к-р. деятельности, проводимой вместе со мной, защищал его от исключения из партии.

В Киеве возобновил свою связь с КОНЕЦКИМ, с которым был связан по совместной деятельности в группе "МАРЕКА", поддерживая его в Польсекции Коминтерна и перед ответственными работниками партии, давая о нем хорошие отзывы, как о партийце.

Продолжая политику борьбы против партии, я совместно с КОНЕЦКИМ и СОСНОВИЧЕМ обсуждал в контр-революционном духе политику КП/б/У в польских вопросах на Украине и нашей борьбы против этой политики.

На курсах ЗБД при проработке VI Конгресса Коминтерна на 3-й или 4-й лекции, темой которой были аргументы "НПС и УСДП против единого фронта и как с ним бороться", я применил контр-революционный метод, выразившийся в том, что я выступил в роли левого пепеэсовца и представил аргументы против единого фронта, а также предложил выступить в роли члена УСДП курсанту ШИШКОВСКОМУ.-

СТАСЯК.-

ДОПРОСИЛ:

ОПЕРУПНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ
НКВД УССР И КВО

/ЛИТМАН/

143
18

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого СТАСЯКА /он-же БЕРМАН/
Виктора Юрьевича, бывш. представи-
теля КПЗУ при Польсекции ИККИ и
ЦК КП/б/У.

3 ноября 1935 года.-

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОСОБОГО ОТДЕЛА УГБ
НКВД УССР и КВО - АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

ПРИСУТСТВОВАЛ: ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОСОБОГО ОТДЕЛА
УГБ НКВД УССР и КВО - ПРЫГОВ.

ВОПРОС: В чем заключалась Ваша контр-револю-
ционная деятельность в КПЗУ?

ОТВЕТ: Моя контр-революционная деятельность
в КПЗУ заключалась в том, что будучи на руководящей рабо-
те, я проводил в партии контр-революционную линию БАРАБЫ
и КОСАРЯ, направленную к развалу партии и революционного
движения на Западной Украине.

ВОПРОС: Поддерживали ли Вы линию БАРАБЫ и
КОСАРЯ после Вашего приезда в СССР?

ОТВЕТ: После моего приезда в СССР, в прове-
денной мной контр-революционной деятельности в КПЗУ я
не разоблачился. Также не разоблачил моих соучастников
по контр-революционной работе в КПЗУ и в частности ВЕ-
БЕРА, которого даже защищал от исключения из партии, же-
лая смазать его, а этим самым и мои преступления перед

114
44

партией, занимая таким образом двурушническую позицию по отношению к партии.

ВОПРОС: Вся Ваша контр-революционная работа в КПЗУ протекала на глазах КПП. Каким образом, Вам удалось скрыть свою двурушническую позицию от КПП?

ОТВЕТ: Все основные установки, составляющие контр-революционную линию БАРАБЫ и КОСАРЕЯ утверждались ЦК КПП. В 1931 году в Политбюро КПЗУ от КПП входил АЛЬБЕРТ, с участием которого БАРАБОЙ и КОСАРЕМ был разработан циркуляр об "УВО", где о ней говорилось как о силе, борющейся против польского империализма. Впоследствии этот документ, который стал основным документом об отношении КПЗУ к "УВО", был утвержден ПБ ЦК КПП.

На всех заседаниях, на которых я присутствовал, принимали участие представители КПП и все вопросы решались при их участии. Так ими утверждались установки о хождении на могилы "Січевих стрільців", об организации "українських січевих стрільців", как революционной, а также утверждались все командировки членов КПЗУ в СССР и в Край. Среди них командировка члена "УВО" ФЕДЬ-БЕЯ в СССР и другие.

На специальном заседании ПБ КПЗУ с участием БРОНКОВСКОГО был обратно принят, после долгого перерыва, в партию член "УВО" РОЗЕНБЕРГ "ЛЬВИВСКИЙ" и назначен руководителем всей легальной печати, хотя БРОНКОВСКИЙ знал, что РОЗЕНБЕРГ в прошлом был ад'ютантом КОНОВАЛЬЦА, вождя "УВО" - "ОУН". На заседании ПБ КПЗУ с участием АЛЬБЕРТА /об этом заседании сохранился протокол в архиве КПЗУ/

145
48

было принято предложение о командировке БАРАБЫ в Чехословакию для вербовки кадров для КПЗУ среди украинской эмиграции из числа УСС и УТА.

В течение полутора лет 1932-1933 гг. в Берлине на виду у ПБ КПП находился Осип БУКШОВАННЫЙ, член "УВО" в качестве редактора центрального органа КПЗУ. БУКШОВАННЫЙ присутствовал и принимал участие во всех заседаниях ПБ КПЗУ. ЦК КПП хорошо знал, что БУКШОВАННЫЙ в годы гражданской войны являлся генералом украинской галицийской армии и был одним из душителей Драгобичского вооруженного выступления рабочих в 1919 г.

В 1931 и 1932 г.г. в течение года Секретариатом КПЗУ руководил "ФЛОРИАНСКИЙ"-ЦУКЕР, ныне член ЦК КПП, который проводил в Крае контр-революционную линию БАРАБЫ и КОСАРЯ, назначал на все основные посты в партии увистов и пеомяков "Заковыку", ДАНИЧУКА и много других. За время работы в КПЗУ проявил себя как отъявленный разложенец, сожительствовал с женой "ОКСАНЫ", похитившего парт-суммы - "ЦИЛЕЙ", которую устроил связистской ЦК КПЗУ.

На заседании ПБ КПП перед вторым пленумом ЦК КПП в 1933 году, а также и в частных разговорах со мной, ГЕНРИКОВСКИЙ говорил о необходимости свалить всю вину на создавшееся положение в КПЗУ на БАРАБУ и КОСАРЯ, а в случае какой либо критики ЦК КПП со стороны Коминтерна, указать на КП/б/У, как на главного виновника кризиса в КПЗУ. Мне же ГЕНРИКОВСКИЙ советовал навести небольшую самокритику и основной огонь на пленуме ЦК направить против БАРАБЫ и КОСАРЯ, что я и сделал, согласовав предварительно свою речь с ГЕНРИКОВСКИМ.

ВОПРОС: Из этого следует, что Вы практиковали обман ИККИ как систему?

ОТВЕТ: Фракционная борьба была огромным злом для КПП. Если майские ошибки привели к кризису в партии, то фракционная борьба в тех уродливых формах, какие она применяла в КПП - закрепила этот кризис на долгие годы, что было только на руку ПИЛСУДСКОМУ. Ее последствия не изжиты до конца до сих пор.

Во время фракционной борьбы, руководством фракций сознательно внедрялись в партийный актив самые худшие антибольшевистские пороки, из которых главное это было забвение интересов партии и рабочего движения в целом - за счет самых узких интересов фракции, обман Коминтерна, как система, абсолютное извращение самокритики, превращение фракционной борьбы в цель для себя и т.п.

Все отчеты окружных секретарей из б. меньшинства, а также Комсомола, прежде чем направлялись в ИККИ предварительно обрабатывались руководством фракции. Из них вычеркивались отрицательные места, характеризующие скверную работу организации, прикрашивались и количественные данные об оргсостоянии организации, умалчивались ошибки и часто даже целые отчеты членами руководства писались заново. Например один из отчетов Варшавского комитета в 1928 году. Этим занимались главным образом - ГЕНРИКОВСКИЙ, ЖАРСКИЙ и "МАРЕК" - ЛЯМПЕ. Скрывались местные листовки, где были ошибки и не допускалась передача их в Польсекцию. Все выступления в ИККИ заранее обрабатывались в том же духе /прикрашивались/ и искажали действительность.

В 1929 году я выступил в КИМ'е с докладом о состоянии польского комсомола; в этом докладе я несколько

остановился на недостатках в работе его. После доклада на меня набросились КОНЕЦКИЙ, а также и ГЕНРИКОВСКИЙ, зачем я даю "противнику" козырь в руки. То же касается состояния Варшавской организации, которая уже в 1928-29г.г. находилась в состоянии подуразвала, растеряла почти всю свою некогда сильную базу среди металлистов, чего до сих пор еще не удалось восстановить. То же в Верхней Силезии и других местах.

Самокритика считалась "необходимым злом" и поэтому подвергалось самокритике лишь то, что могло стать ИККИ известным благодаря критики противной фракции.

По всем этим вопросам велась сознательная линия со стороны руководства фракции, в частности тех лиц, которые занимались оргруководством, т.е. "МАРЕКОМ", ГЕНРИКОВСКИМ и ЖАРСКИМ, а в Москве АЛЬБЕРТОМ - линия направленная на обман ИККИ.

Особенно тяжело эта линия отразилась на Комсомоле Польши, который был целиком втянут во фракционную работу. Комсомольцы настраивались нами против партии, постоянно противопоставлялись партии, при чем много молодежи, не будучи в состоянии понять всех "тонкостей" политической борьбы в партии, развращались, отходили от КСМ Польши, или превращались в источник гнили, становясь объектом дефензивы. Так были образованы в 1928-1929 гг. группы левого комсомола в Варшаве в районах "Прага" и "Пованзском", в которых сидели дефензивяки /фамилии забыл/.

Таким образом, Коминтерн рассматривался нами не как своя международная партия, где на вопросы необходимо отвечать как в своем доме, а как чужой хозяин, стоящий

над партией, которому не следует говорить о "домашних" делах КПИ, обмануть который не грех - если это нужно в интересах фракции.

ВОПРОС: И такой же подход, как к "чужому" было у Вас и к ВКП/б/?

ОТВЕТ: Во время моего пребывания в КИМ'е в 1928-29 г.г. началась борьба против группы БУХАРИНА. Почти все работники ИККИМ выражали недовольство политикой ВКП/б/ и тов.СТАЛИНА по отношению к правым - эта политика считалась примиренческой. К этой группе, связанной с ЛОМИНАДЗЕ и ШАЦКИНЫМ, выражавшей недовольство политикой ВКП/б/ принадлежали следующие лица: НАСОНОВ, ГРИГОРЬЕВ, МАЗУТ, ФОКИН, ЗАРТАНЬЯН, КОНЕЦКИЙ; других не помню. Наглядно недоверие к линии т.СТАЛИНА выразилось при обсуждении на Президиуме КИМ'а доклада нынешнего секретаря ЦК КП/б/У тов.ПОПОВА Н.Н. о борьбе с правыми. В своем докладе т. ПОПОВ критиковал "левацкий" заскок редактора "Комсомольской Правды" по отношению к т. БУХАРИНУ.

Перечисленные выше лица - провели среди всех членов Президиума агитацию, чтобы не солидаризироваться со снятием редактора "Комсомольской Правды". В результате, все выступавшие в прениях, за исключением одного товарища /фамилию забыл/ замалчивали этот вопрос, демонстрируя свое несогласие с политикой ВКП/б/ по этому вопросу. После заседания главные зачинщики НАСОНОВ, ГРИГОРЬЕВ, МАЗУТ и др. громко возмущались выступлением товарища за линию партии.

В одном из разговоров со мной в 1929 году, НАСОНОВ подверг резкой критике отношение партии к правым.

На мою реплику, что эта линия тов. СТАЛИНА, он ответил, "а что СТАЛИН? Он не лучше БУХАРИНА".

Через некоторое время в беседе с КОНЕЦКИМ о линии партии к правым, он позвал меня к себе и показал место из "Вопросов Ленинизма", где говорится, что социал-демократия становится все более контр-революционной. КОНЕЦКИЙ комментировал это место, указывая, что социал-демократия не становится контр-революционной, а всегда была и остается одинакою контр-революционной.

В то же приблизительно время политика тов. СТАЛИНА по отношению к правым критиковалась и АЛЬБЕРТОМ, который в разговорах со мной считал, что эти отношения к БУХАРИНУ являются поддержкой для правых в КП и вселяют в них надежду на изменение политического курса в ЦК ВКП/б/.

После приезда ГЕНРИКОВСКОГО из Чехословакии в 1929 году, он встречался часто со мной и КОНЕЦКИМ в Москве, где во время разговоров - выражал полную солидарность с критикой положений тов. СТАЛИНА, КОНЕЦКИМ.

Недоброжелательное отношение к т. СТАЛИНУ и линия ВКП/б/ выражалась также в 1930-31 и 32 г.г. во время трудностей, переживаемых Советским Союзом, у целого ряда руководителей КП.

Летом 1931 г. "МАРЕК" в Москве устроил вечер, на котором присутствовали ФОКИН, БАРТАНЬЯН, МАЗУТ, НАСОНОВ, я и другие. На этом вечере велись разговоры, восхваляющие ЛОМИНАДЗЕ и ШАЦКИНА, как единственных людей, создавших КИМ, как серьезную организацию. Выражались кажется БАРТАНЬЯНОМ предположения, что ЛОМИНАДЗЕ будет еще большим человеком одним из вождей ВКП/б/. "МАРЕК" восхвалял орган

ТРОЦКОГО, считая его очень глубоким, поучительным и смело ставящем проблемы, не в пример официальной прессе ВКП/б/, в особенности "ПРАВДЕ", которая стала из политического органа - органом для инженеров и бухгалтеров. Этому же мнению придерживался и АЛЬБЕРТ, в одном разговоре со мной в Берлине в 1931-1932 г.г.

Также имели место разговоры о том, что Коминтерн играл крупную политическую роль в международном рабочем движении пока во главе его было твердое руководство в лице ЗИНОВЬЕВА. После устранения ЗИНОВЬЕВА, Коминтерн потерял свое политическое значение.

В 1931 или 1932 году был промежуток времени, когда тов.СТАЛИН не выступал публично. Это было использовано троцкистами для атак против тов.СТАЛИНА. "МАРЕК" и КОНЕЦКИЙ в отдельных разговорах со мной говорили, что т.СТАЛИН в моменты трудностей должен выступать и убеждать массы, а не действовать, как это он делает, силой аппарата, что эта тактика тов.СТАЛИНА деморализует партию.

В 1934 году АЛЬБЕРТ говорил мне, что считает совершенно недопустимым политику т.СТАЛИНА по отношению к Коминтерну. АЛЬБЕРТ указывал на два факта путаницы в ИККИ: по вопросу о депрессии особого рода, когда незадолго до беседы тов.СТАЛИНА с ДЮРАНТИ, пленум ИККИ в своих решениях констатировал дальнейшее углубление экономического кризиса, после этого тов.СТАЛИН в беседе с ДЮРАНТИ указал на переход экономического кризиса в депрессию особого рода. В другом случае после оценки ИККИ февральских боев в Австрии, как вооруженного восстания, тов. СТАЛИН и ДИМИТРОВ в своем письме к австрийским рабочим, дали событиям совершенно другую оценку.

157
7

Оба эти случая расценивались АЛЬБЕРТОМ, как результат недопустимого пренебрежения тов. СТАЛИНА к Коминтерну и партиям за границей.

В разное время "МАРЕК", АЛЬБЕРТ, ГЕНРИКОВСКИЙ, ФЛОРИАНСКИЙ, КАРЛОВСКИЙ и другие в разговорах со мной, менее и более резко осуждали определение тов. СТАЛИНА, как вождя международного пролетариата, иронизируя употребление по отношению к т.СТАЛИНУ таких определений, как "любимый", "родной" и др. АЛЬБЕРТ говорил, что он понимает, что при помощи аппарата можно сделать человека славным и популярным, но что "любимым" - это уже дело трудное. Особенно этим возмущался ГЖЕГОЖЕВСКИЙ, что это хорошо в религии, а не в партии.

Вплоть до последнего времени в среде руководящего состава КПШ распространялись антисоветские и троцкистские анекдоты. Эти анекдоты иронизировали и высмеивали линию ВКП/б/, как линию голода, нищеты, высмеивали социалистическое строительство и вождей ВКП/б/, особенно тов. СТАЛИНА, которого характеризовали как угнетателя народа, партии и т.п.. Эти анекдоты рассказывались КОНЕЦКИМ, ФЛОРИАНСКИМ, АЛЬБЕРТОМ, КАРЛОВСКИМ, "МАРЕКОМ", РОГОВСКОЙ и другими, часто в присутствии БРОНКОВСКОГО, который однако сам их не рассказывал, но никогда не протестовал против их содержания.

Перечисленные лица, выезжая из Москвы, "вывозили" эти анекдоты в Польшу, где распространяли их среди актива КПШ.

ВОПРОС: А каково было отношение этих лиц к руководству ИККИ?

ОТВЕТ: Против тов. МАНУИЛЬСКОГО велась борьба в КПП еще с 1928 года, когда он стал членом ЦК КПП и представителем ИККИ в КПП. В 1934 году тов. МАНУИЛЬСКИЙ выступил на Политсекретариате ИККИ с критикой КПП и требовал постановления отчета последней в ИККИ в ближайшее время. АЛЬБЕРТ, информируя меня об этом, говорил, что тов. МАНУИЛЬСКИЙ на этом "не выиграет", что он думает возобновить свои старые нападки на КПП, в частности на ЛЕНСКОГО, но это ему теперь не удастся. АЛЬБЕРТ говорил также, что у тов. МАНУИЛЬСКОГО находят приют и опеку все бывшие правые из КПП и что это ведет, в связи с новой тактикой единого фронта, к поощрению правых на борьбу против ЦК КПП под видом того, что правые были всегда за широкую тактику единого фронта. Такое же мнение высказывали ГЕНРИКОВСКИЙ и БРОНКОВСКИЙ. Как-то, когда я спросил у АЛЬБЕРТА приедет ли ЛЕНСКИЙ на заседание Политкомиссии ИККИ, назначенное в конце 1934 года, он ответил, что ЛЕНСКИЙ не приедет демонстративно в ответ на выступление тов. МАНУИЛЬСКОГО. Что-же касается самого заседания, то материалы готовы, но в интересах КПП заседание отменить и поставить польские вопросы тогда и в такой форме, как это будет нам удобно, а не в той, которую хочет нам навязать т. МАНУИЛЬСКИЙ.

По отношению к тов. ДИМИТРОВУ, ГЖЕГОЖЕВСКИЙ еще до конгресса говорил, что нечего делать из тов. ДИМИТРОВА "бога", что если бы он - ГЖЕГОЖЕВСКИЙ был в Лейпциге, то вел бы себя на процессе не хуже ДИМИТРОВА.

Во время конгресса ГЖЕГОЖЕВСКИЙ возмущался продолжительными авациями ДИМИТРОВУ и один раз демонстративно не встал.

153
83

АЛЬБЕРТ также еще до конгресса, информируя меня о подготовительной работе, говорил, что почти ничего не делается, что ДИМИТРОВА вообще мало видно, а его выступление на комиссии в 1934 году или в начале 1935 года /точно не помню/, ничем особенным не отличалось. Выступление ДИМИТРОВА на конгрессе всеми расхваливалось, однако, польские работники не совсем дружелюбно к нему отнеслись, т.е. невхождение представителя КПП в Секретариат ИККИ расценивалось как удар по КПП. АЛЬБЕРТ говорил мне, что невведение КПП в Секретариат ИККИ является выражением недружелюбного отношения со стороны т.т. ДИМИТРОВА и МАНУИЛЬСКОГО к КПП потому, что они не могут забыть старых счетов с бывшим меньшинством. В конце конгресса АЛЬБЕРТ неожиданно для меня зашел ко мне в гостиницу и заговорил о возможном влиянии нового руководства на отношения к КПП. Он считал, что это лишь начало и что несомненно т.т. ДИМИТРОВ и МАНУИЛЬСКИЙ захотят иметь своих людей в руководстве КПП и спрашивал на кого, по моему мнению, они могут рассчитывать в руководящем активе КПП. На мой уклончивый ответ, он высказал мнение, что актив КПП достаточно слаб, чтобы противостоять всякой попытке со стороны нового руководства ИККИ нарушить монолитность руководства КПП.

На пленуме ЦК КПП во время конгресса, уже после отъезда ЛЕНСКОГО, когда БРОНКОВСКИЙ сообщил о невхождении представителя КПП в Секретариат ИККИ, выступил с обиженной речью ГЖЕГОЖЕВСКИЙ, в которой указал, что КПП по праву следует входить в Секретариат, что ему непонятны мотивы, по которым это случилось, но несмотря на это КПП не выступит против ИККИ и подчинится его решению.

Не помню, в этом ли или другом разговоре АЛЬБЕРТ называл т.т. ДИМИТРОВА и МАНУИЛЬСКОГО противниками б. меньшинства и сказал, что теперь, когда они в руководстве ИККИ, на КПП придут "тяжелые" времена.

ВОПРОС: Что Вас известно о финансовых делах КПП?

ОТВЕТ: В 1932 году работая в Секретариате КПП, ГЕНРИКОВСКИЙ привлек для работы в качестве главного связного с ЦБ КПП в Берлине, некоего ФЕРШТА.

В прошлом ФЕРШТ член СДКП и Л, затем стал директором какой-то крупной фирмы в Варшаве и уже продолжительное время ничего общего с революционным движением не имел.

Впоследствии ФЕРШТ был привлечен ГЕНРИКОВСКИМ к получению через него всех денег, поступающих для работы КПП в Стране.

Деньги из Берлина переводились в какой то банк для одного купца, от которого забирал их ФЕРШТ. Это были суммы, доходящие до ста тысяч злотых в месяц. Обычно секретариат деньги брал у ФЕРШТА небольшими частями. Таким образом, у ФЕРШТА всегда на руках хранились крупные суммы партийных денег, которые он повидимому использовал в личных целях. Об этом свидетельствуют факты, когда в двух случаях я требовал у него денег, зная о том, что в кассе должны быть значительные суммы, ФЕРШТ по две три недели задерживал выдачу денег, мотивируя это тем, что купец, якобы, выехал из Варшавы.

В ноябре 1932 года дефензивой был арестован младший брат ФЕРШТА, также привлеченный ГЕНРИКОВСКИМ к

работе в КПП в качестве главного технического работника секретариата. После его ареста ФЕРШТ вызывался в дефензиву, где по его словам его спрашивали о брате.

Так как это обстоятельство ставило под угрозу важный нерв партии, я принял тогда меры к устранению ФЕРШТА. Узнав об этом, он принял все меры и очень просил меня сохранить за ним эту функцию, обещая сугубую осторожность. При этом он мне старался доказать, что арест его брата и вызов его самого в дефензиву не может помешать его работе. Брат ФЕРШТА, просидев непродолжительное время был освобожден. От работы ФЕРШТ был все же отстранен.

О всей работе ФЕРШТА по финансовым делам в КПП и его взаимоотношениях с ГЕНРИКОВСКИМ знают Ирина РОЗЕНБЕРГ, проживающая в настоящее время в Москве и частично жена ВЕБЕРА, также находящаяся в Москве. Оба они в 1932 г. работали в аппарате ГЕНРИКОВСКОГО.

ВОПРОС: Какой существовал в парторганизациях порядок направления из Польши в СССР на политэмиграцию?

ОТВЕТ: Существовали три центра, обладавших правом посылки в СССР: ЦК КПП, ЦК КПЗУ и ЦК КПЗБ. Их деятельность в этой области совершенно автономна и не координирована, что дает возможность легко проникать в СССР. Знаю случаи, когда люди, которым отказывали в Варшаве, получали разрешение во Львове и наоборот, так например: четыре члена Грубешевской организации /фамилии забыл/, не получив разрешения на выезд в СССР - в КПЗУ, получили такое в Варшаве. Или ПИЛЕЦКИЙ, который будучи безработным в Берлине в 1930 или 1931 гг. - обратился в ПБ КПП. Послед-

86¹⁵⁶
143

ним в выезде ему было отказано и предложено выехать в Польшу. Через год или два он все же разрешение получил, но уже в КПЗУ.

Политэмигрантами, въезжающими в СССР, ведает польсекция, которая имеет свои отделы в Минске и Киеве. Политэмигранты переходящие через "зеленую границу" после первой и беглой проверки направляются в Польсекцию ИККИ. Приезжающие по паспортам никакой предварительной проверке не подвергаются, а связываются непосредственно с польсекцией. Признающиеся политэмигрантами направляются к представителю польсекции в МОПР'е и через него посылаются на работу, а часть непосредственно польсекцией. Таким образом, польсекция ИККИ для польских политэмигрантов, даже членов ВКП/б/ является наивысшим и решающим органом в СССР. Это положение создает среди польских политэмигрантов тенденции к группированию вокруг польсекции, к образованию польских эмигрантских колоний в СССР, мешающих ассимиляции их общественной жизни в СССР и способствующих отчуждению от социалистического строительства.

На этой почве КОНЕЦКИМ в 1928-1930 г.г. в Москве и в 1934-35 г.г. в Киеве были созданы контр-революционные националистические группы, о составе и деятельности которых я уже говорил в своих предыдущих показаниях.

Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны, в чем и расписываюсь.

С Т А С Я К.-

ДОПРОСИЛ:

НАЧ ОО УТБ НКВД УССР
и КВО

/АЛЕКСАНДРОВСКИЙ/

ПРИСУТСТВОВАЛ:

ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ

/ПРИГОВ/

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого РЫБИЦКОГО (он-же СКИДЛОВСКИЙ) Стефана Антоновича

Бывшего зав. отделом
в редакции "С е р п"

От 7 октября 5 и
15 ноября 1935 г.

157
58

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого РЫБИЦКОГО /он же СКИМ ДЛЕВ-
СКИЙ/ Стефана Антоновича, бывш. зав. от-
делом в редакции "Сerp".

от 7-го октября 1935 года.

ВОПРОС: Изложите обстоятельства Вашего приобрете-
ния к деятельности "Польской организации Войсковой"?

ОТВЕТ: - В 1925 г., будучи членом комсомола Поль-
ши /Домбровской Окружной организации/ я был направлен на
учебу в Москву, в партийную школу при ЦК КПС. Во время пре-
бывания в этой школе я однажды присутствовал на докладе
"о положении внутри комсомола Польши", который делал у нас
в школе Януш СОСНОВИЧ. До этого времени, еще находясь в
Польше, я знал по наслышке о том, что "Януш" является од-
ним из руководящих работников ЦК КСМ Польши. Находясь в
Польше, с СОСНОВИЧЕМ лично я знаком не был.

Вторично я столкнулся с СОСНОВИЧЕМ в 1929 г. в
Варшаве, когда я был введен в состав секретариата ЦК КСМ.
В этот период времени, в состав ЦК КСМ помимо меня входили:
СОСНОВИЧ и еще один товарищ, известный мне под псевдонимом
"МИХАЛ".

Между мной и СОСНОВИЧЕМ установились вскоре весь-
ма близкие отношения.

Встречаясь часто со мной, СОСНОВИЧ в отдельных
разговорах прощупывал прочность моих политических убеждений,
ведя со мной осторожные беседы в духе польского национализ-
ма.

Поскольку СОСНОВИЧ являлся в моих глазах лицом вполне авторитетным и стоял на более высоком уровне политического развития, я воспринимал высказывавшиеся им взгляды и постепенно подпал полностью под его влияние.

Из отдельных фактов, приводившихся СОСНОВИЧЕМ в защиту высказывавшихся им националистических взглядов, мне запомнились и произвели на меня наибольшее впечатление следующие:

1/ Он доказывал, что материальное положение рабочих на заводе "Паровоз", находящегося под влиянием ППС, значительно лучше, чем на заводе "Липон", где преобладало влияние левых профсоюзов и КП. СОСНОВИЧ объяснял это тем, что ППС'овцы сумели найти общий язык с администрацией завода и мирным путем добились ряда уступок с ее стороны, чем улучшили положение рабочих масс.

Наоборот, на "Липоне" коммунисты зовут рабочих на путь забастовок и в результате забастовок, имевших действительно место на этом заводе, положение рабочих не только не улучшилось, а даже ухудшилось.

СОСНОВИЧ открыто критиковал в этом вопросе политическую линию ЦК КП, противопоставляя ей тактику ППС, как национальной рабочей партии.

2/ В другом случае СОСНОВИЧ разъяснял мне, что правительство Пилсудского системой краткосрочного кредитования крестьянства добивается улучшения общего благосостояния трудящихся масс Польши.

Кредитование дает возможность крестьянству повышать урожайность сельского хозяйства, чем увеличивается

удельный вес сельского хозяйства в экспорте страны, а это, в свою очередь, ведет к повышению покупательной способности деревни. Благодаря этому, увеличивается спрос на промышленную продукцию, сокращается безработица и улучшается благосостояние пролетарских масс в городах.

На основе этих фактов СОСНОВИЧ доказывал мне, что правительство Пилсудского реально добивается улучшения благосостояния трудящихся масс Польши.

3/ СОСНОВИЧ разъяснял и доказывал, что Пилсудский является революционером, активно боровшимся всю свою жизнь с российским и германским царизмом за независимую Польшу и подвергавшимся с их стороны постоянным гонениям и преследованиям.

В оценке СОСНОВИЧА, Пилсудский является подлинным вождем польского народа и компартия совершает серьезную ошибку, обвиняя Пилсудского в измене интересам польского народа в пользу буржуазии.

Встречая с моей стороны полную поддержку высказывавшимся им взглядам, СОСНОВИЧ, как-то осенью 1928 г. сообщил мне, что в рядах руководства КПП и комсомола существует группа лиц, враждебно относящихся к политической линии ЦК и КПП и считающая, что проводимая Пилсудским политика отвечает интересам трудящихся масс Польши и польского народа в целом.

На мои уточняющие вопросы СОСНОВИЧ указал, что он, лично, полностью разделяет эту точку зрения и спросил, солидарен ли я с ним.

Встретив с моей стороны полную поддержку в

этом вопросе, СОСНОВИЧ проинформировал меня о существовании организации, ставящей перед собою задачу об"единения вокруг Пилсудского всех националистических элементов внутри Польши и ведущей борьбу со всеми оппозиционными в отношении Пилсудского организациями и политическими партиями, в том числе и компартией Польши.

СОСНОВИЧ указал, что этой организацией является "Польска Организация Войскова", созданная лично Пилсудским и предложил мне принять участие в ее деятельности.

Будучи достаточно обработанным всеми предыдущими беседами с СОСНОВИЧЕМ в духе польского национализма, я дал свое согласие на участие в деятельности "ПОВ".

ВОПРОС: - Что Вам сообщил СОСНОВИЧ о политических целях и задачах "ПОВ"?

ОТВЕТ: - СОСНОВИЧ указал мне, что в данное время важнейшей задачей "ПОВ" внутри Польши является борьба с компартией и революционным движением, подрывающими устойчивость польской государственности и перевод революционного движения в русло польского национализма.

Развивая далее цели и задачи "ПОВ" в этом вопросе, СОСНОВИЧ указал на необходимость тщательной и постепенной обработки отдельных членов КПИ и комсомола в духе польского национализма и государственности с тем, чтобы всемерно добиваться расширения влияния "ПОВ" в рядах партийных организаций, не раскрывая своей принадлежности к "ПОВ".

Такая обработка отдельных коммунистов и комсомольцев, в особенности из числа партийного актива или ра-

ствующих партийцев-рядовиков, должна была проводиться, примерно, такими же путями и методами, которые применялись СОСНОВИЧЕМ в отношении меня.

В конечном результате следовало добиваться продвижения обработанных лиц в состав партийного руководства /райкомы, окружные комитеты, ЦК/, имея основною задачей захватить в свои руки командные высоты партийного руководства в стране и тем самым обезвредить деятельность КПН и комсомола.

ВОПРОС: - Какие практические задачи поставил перед Вами СОСНОВИЧ после вовлечения Вас в ряды ПОВ?

ОТВЕТ: - СОСНОВИЧ поручил мне вести постепенную, осторожную обработку отдельных партийцев и комсомольцев в духе польского национализма и всячески саботировать стремления партийного руководства вызвать забастовки на Варшавских предприятиях.

СОСНОВИЧ прямо указал мне, что в тех случаях, когда на отдельных предприятиях будут назревать конфликты рабочих с администрацией, угрожающие вылиться в забастовки - вести разложеническую работу в рабочих массах, добиваясь перелома в их настроениях в сторону мирного разрешения конфликтов.

ВОПРОС: - Что Вам известно о составе руководства ПОВ в Польше?

ОТВЕТ: Никаких лиц, входящих в состав руководства ПОВ, СОСНОВИЧ мне не называл. Он указал только, что

отдельные лица из числа руководства ПОВ входят в ЦК КПН, где проводят работу, направленную в интересах польской государственности.

ВОПРОС: - Перечислите известных Вам участников ПОВ в Польше?

ОТВЕТ: - Помимо СОСНОВИЧА, мне известны как участники ПОВ в Польше следующие лица:

1/ "ВАЦЕК" - комсомолец Варшавской организации, работавший в 1929 г. в профсоюзном отделе молодежи при Варшавском окружном комсомоле.

2/ "ЗИГМУНД" - один из руководителей комсомола по работе среди молодежи Варшавского профсоюза металлистов.

3/ "КНЕВСКИЙ" - являвшийся в 1929 г. секретарем Варшавского окружного комсомола.

ВОПРОС: - Откуда Вам известно о принадлежности перечисленных выше лиц к ПОВ?

ОТВЕТ: - О принадлежности "ВАЦЕКА", "ЗИГМУНДА" и КНЕВСКОГО к ПОВ мне стали известны со слов СОСНОВИЧА при следующих обстоятельствах:

Примерно месяца за два до отъезда СОСНОВИЧА из Польши в СССР, т.е. в конце 1929 г., он сообщил мне о необходимости увязаться по работе ПОВ с этими лицами, в целях общего расширения работы организации по разложению революционного движения. При этом СОСНОВИЧ пояснил мне, что поскольку "ВАЦЕК", "ЗИГМУНД" и КНЕВСКИЙ давно работают в Варшаве и непосредственно связаны с рабочими массами, они смогут указать мне лиц, подлежащих в первую очередь

обработке в духе национализма.

Когда я связался с названными лицами, они подтвердили мне, что уже предупреждены СОСНОВИЧЕМ о предстоящем установлении связи со мной.

ВОПРОС: - Укажите, что практически было проделано Вами в осуществление заданий, полученных от СОСНОВИЧА, как представителя ПОВ?

ОТВЕТ: - Я проводил обработку одного из комсомольцев Пражского района г. Варшавы по имени "БОЛЕК" /фамилии не знаю/. В осторожной форме я критиковал перед ним политическую линию ЦК КПП и КСМ, доказывая на отдельных примерах, что правительство Пилсудского делает все возможное для улучшения благосостояния трудящихся масс Польши.

Кроме того, совместно с КНЕВСКИМ я провел срыв забастовки на кожевенном заводе Вебера в Варшаве.

О назревающей забастовке на этом заводе узнал КНЕВСКИЙ и предложил мне совместно с ним тотчас же отправиться на этот завод.

Мы стали доказывать рабочим, что поскольку забастовка носит локальный характер - она обречена на провал и никакого улучшения своего положения они забастовкой не добьются, а вызовут лишь излишние жертвы со стороны рабочих завода.

Рабочие поддались нашим уговорам и прекратили забастовку.

Об этом я проинформировал СОСНОВИЧА, который одобрил наши действия.

ВОПРОС: От чьего имени Вы и КНЕВСКИЙ разговаривали с рабочими завода Вебера?

ОТВЕТ: - Ни я, ни он не заявляли о своей принадлежности к какой либо партии. Оба мы выступали, как беспартийные.

ВОПРОС: - Для каких целей и при каких обстоятельствах Вы прибыли в СССР из Польши?

ОТВЕТ: - В СССР из Польши я прибыл в последних числах декабря 1929 г. при следующих обстоятельствах: недели за две до моего отъезда в Москву, СОСНОВИЧ сообщил мне, что в Москве должен состояться Пленум КИМ"а, на который комсомолу Польши отведено три места.

СОСНОВИЧ указал мне, что руководство ПОВ решило использовать это обстоятельство в целях внедрения своей агентуры в СССР, для чего из членов ПОВ на Пленум командировать я и он, СОСНОВИЧ.

Кроме нас двоих на Пленум был также командирован в качестве третьего делегата от комсомола Польши, член Секретариата ЦК Комсомола "МИХАЛ", о причастности которого к ПОВ мне ничего неизвестно.

СОСНОВИЧ предупредил меня, что по окончании Пленума КИМ"а я должен буду остаться в СССР и в Москве получу от него исчерпывающие указания по работе ПОВ на советской территории.

ВОПРОС: - Какие указания по работе ПОВ были получены Вами от СОСНОВИЧА в Москве?

9. - 66 165

ОТВЕТ: - Первоначально СОСНОВИЧ указал, что я должен буду оставаться для работы в Москве.

В этих целях он предложил мне связаться с двумя лицами, с которыми я в дальнейшем буду связан по работе ПОВ в Москве.

Этими лицами являются: - "АНТЕК-СВИНЕБУЛ" и "ЧАРНЕЦКИЙ". Обоих я знал еще по Польше: первого - как бывшего секретаря Варшавского Окружного комсомола; второго - как бывшего члена ЦК комсомола Западной Белоруссии.

На следующий день после приведенного выше разговора с СОСНОВИЧЕМ, он предложил мне отправиться совместно с ним на квартиру к "АНТЕКУ-СВИНЕБУЛУ", проживавшему в общежитии студентов при курсах ленинизма /названия улицы не знаю/.

Когда мы явились в комнату "АНТЕКА" /он проживал на втором или на третьем этаже/ мы застали его одного. Очевидно "АНТЕК" ждал нашего прихода, будучи заранее предупрежден СОСНОВИЧЕМ. СОСНОВИЧ представил нас друг другу и указал "АНТЕКУ", что впредь я буду поддерживать с ним связь, как член ПОВ, подчиненный ему в работе.

В моем присутствии "АНТЕК" информировал СОСНОВИЧА о своей работе на курсах ленинизма и в КИМ"е, где он проводил националистическую линию. В частности, мне помнится, что "АНТЕК" рассказывал о работе германских профессоров, о чем ему было известно как принимавшему участие в работе секции КИМ"а. Более детально вспомнить содержание информации "АНТЕКА" я затрудняюсь.

Мы условились, что в дальнейшем я буду встречаться с "АНТЕКОМ" в общежитии курсов ленинизма и на этом

мы расстались.

День или два спустя СОСНОВИЧ предложил мне отправиться совместно с ним на квартиру к ЧАРНЕЦКОМУ, где он должен был представить нас друг другу, как членов ПОВ.

Вдвоем мы отправились на ул. Горького, если двигаться со стороны пл. Революции вверх - по правой стороне, где в гостиннице проживал ЧАРНЕЦКИЙ. Мы застали ЧАРНЕЦКОГО у себя в номере. СОСНОВИЧ представил нас друг другу, указав, что в дальнейшем я должен буду поддерживать связь с ЧАРНЕЦКИМ, как с представителем ПОВ в Москве.

В моем присутствии ЧАРНЕЦКИЙ сообщил СОСНОВИЧУ, что он работает сейчас в одном из текстильных объединений и рассчитывает в скором времени получить назначение на пост директора одного из текстильных заводов. У меня создалось впечатление, что ЧАРНЕЦКИЙ прибыл в Москву недавно и только только начинает ставить работу ПОВ. Вспоминаю такую деталь: ЧАРНЕЦКИЙ рассказывал СОСНОВИЧУ, что в ближайшее время он получает изолированную, благоустроенную квартиру из двух комнат и кухни и что после получения им этой квартиры он будет чувствовать себя более независимо.

Я понял из этого разговора, что ЧАРНЕЦКИЙ рассчитывал использовать отдельную квартиру в интересах организации.

ВОПРОС: - Знал ли ЧАРНЕЦКИЙ о том, что помимо него, Вы сведены СОСНОВИЧЕМ также с "АНТЕКОМ"?

ОТВЕТ: - Как ЧАРНЕЦКИЙ, так и "АНТЕК" знали о том, что я сведен СОСНОВИЧЕМ с каждым из них в отдельности. Мы трое должны были являться одним звеном в системе ПОВ в Москве.

ВОПРОС: - В чем выразилась Ваша деятельность, как члена ПОВ в Москве?

ОТВЕТ: - Никакой практической работы, как член ПОВ, я в Москве не вел. Дело в том, что примерно в середине января 1930 г., т.е. две недели спустя после моего приезда в Москву из Польши, СОСНОВИЧ неожиданно объявил мне, что со стороны польской секции ИККИ имеются возражения против моего оставления в Москве на постоянное жительство. СОСНОВИЧ, в интересах сохранения меня, как члена ПОВ, не считал возможным вступать в пререкания с секцией по этому вопросу и предложил мне выехать в Донбасс, указывая, что ПОВ серьезно озабочено проникновением туда своей агентуры и что мне, как бывшему шахтеру, легко удастся ассимилироваться в Донбассе.

СОСНОВИЧ указал, что моей задачей в Донбассе явится сбор сведений о производственных планах шахт, количестве и качестве добываемого угля, строительстве новых шахт, количестве рабочей силы; все добываемые сведения по Донбассу я должен был доставлять в Москву и сообщать их лично СОСНОВИЧУ.

Я от выезда в Донбасс отказался, ссылаясь на полное незнание русского языка и мою полуинвалидность.

Тогда СОСНОВИЧ предложил мне выехать на Украину, в Славути или Житомир, указав, что оба эти района заселены преимущественно поляками и что даже украинцы в этих районах разговаривают преимущественно по-польски.

В оценке СОСНОВИЧА оба эти факты открывали широкие перспективы для ПОВ, тем более, что Житомирское

и Славутское направления имеют серьезное стратегическое значение для польской экспансии на востоке.

Я принял предложение СОСНОВИЧА и примерно в половине января 1930 г. выехал в Славуту.

ВОПРОС: - Каким порядком был оформлен Ваш выезд в Славуту?

ОТВЕТ: - СОСНОВИЧ, как секретарь ЦК комсомола Польши договорился в секции о моем направлении на работу в Славуту на фаянсовый завод. В польской секции я получил командировочные документы, письмо в адрес Райкома КП/б/У и второе письмо - непосредственно в адрес директора фаянсового завода - ЛИПИНСКОГО - члена ВКП/б/.

ВОПРОС: - Какие указания по работе ПОВ были получены Вами от СОСНОВИЧА при выезде в Славуту?

ОТВЕТ: - При выезде в Славуту мною были получены от СОСНОВИЧА следующие указания о развитии деятельности ПОВ:

1/ Организовать среди польского населения первичные ячейки ПОВ, опираясь при этом на националистические элементы.

СОСНОВИЧ указал мне на необходимость соблюдения особой осторожности при проведении вербовки. Предварительно следовало тщательно и всесторонне изучать намеченных к вербовке лиц и проводить самую вербовку только в тех случаях, когда лица достаточно проверены и изучены в смысле прочности их националистических взглядов и преданности идеям польской государственности.

2/ Одновременно обрабатывать более широкие слои польского населения в духе национализма и преданности Польше, доказывая, что правительство Пилсудского пользуется широкой поддержкой трудящихся масс Польши. Этим преследовались цели более широкого охвата влиянием ПОВ местного польского населения, которое должно быть подготовлено к предстоящему вторжению польских войск на Украину и оказать поддержку польским войскам.

В этих же целях я должен был добиться саботирования со стороны местных поляков участия в советском строительстве.

ВОПРОС: - Какие организационные связи по линии ПОВ были Вами получены от СОСНОВИЧА при въезде в Славуту?

ОТВЕТ: - Никаких организационных связей я от СОСНОВИЧА не получил. Он указал мне, что на Украине действует ряд отдельных звеньев ПОВ, непосредственно между собою не связанных и об"единяемых общим руководством. Как раз"яснял СОСНОВИЧ, такая структура ПОВ гарантирует от широких провалов и в случае разоблачения одного из звеньев провал носит локальный характер.

Лично я должен был организовать работу ПОВ в Славутском районе.

ВОПРОС: - Как Вы должны были связываться с руководством ПОВ?

ОТВЕТ: - При въезде из Москвы я получил от СОСНОВИЧА указание о том, что он будет поддерживать со мной

личную связь. В этих целях, по приезде в Славути и легализации на месте, я должен сообщить письмом в адрес СОСНОВИЧА /на польскую секцию/ свое точное местопребывание, после чего, в нужных случаях, СОСНОВИЧ сам изыщет способы связи со мной. СОСНОВИЧ при этом предупредил меня, что он должен будет на короткое время выехать в Берлин, откуда вскоре возвратится в Москву.

Руководствуясь указаниями СОСНОВИЧА, я, по прибытии в Славути, сообщил СОСНОВИЧУ свой адрес, однако никакого ответа на свое письмо не получил.

Осенью 1930 г. я ездил из Славути в Москву, формально под предлогом необходимости оформить свою принадлежность к ВКП/б/. Фактически я использовал эту поездку в целях увязки с ПОВ.

В Москве я узнал, что СОСНОВИЧ до сего времени в СССР не возвратился. Я пытался связаться с "АНТЕКОМ", для чего ходил в общежитие ленинских курсов. Там "АНТЕКА" уже не оказалось и никто не мог мне сообщить его местопребывание. Спрашивать об "АНТЕКЕ" в секции я не рискнул, опасаясь, что возможно, что он разоблачен как неовяз; в этом случае я мог навлечь на себя невольные подозрения.

Пытался я также найти в Москве ЧАРНЕЦКОГО, но его также не оказалось.

Таким образом, я оказался предоставлен сам себе и до начала 1935 г. непосредственной связи с руководством ПОВ не имел.

ВОПРОС: - Что практически было Вами проделано по организации деятельности ПОВ на Украине?

141
72

ОТВЕТ:- По прибытии в Славуту, я первоначально короткое время исполнял обязанности сторожа по охране фабричного завода; затем, около месяца являлся зам. заведывающего местным отделением сельбанка и, наконец, был назначен директором небольшого чугунно-литейного завода, где проработал до весны 1932 г.

За это время я установил близкую связь с учителями Славутской польской школы-семилетки - КОЗЛОВСКИМ и ФУРСОМ. В процессе нашего сближения я выявил наличие у них ярко выраженных националистических взглядов и ориентации на Польшу.

Путем длительных бесед с каждым из них в отдельности, я еще больше закрепил в них приверженность интересам польской государственности, рассказывая им о положении трудящихся масс Польши, которое я рисовал в розовых красках. Этому я противопоставлял тяжелое, якобы, положение польского населения на Украине, доказывая, что вне польской государственности невозможно никакое развитие польской национальной культуры.

Хотя ни КОЗЛОВСКОМУ, ни ФУРСУ я ничего не говорил о своей принадлежности к ПОВ, но фактически я сделал их обоих проводниками политического влияния ПОВ на учащуюся польскую молодежь и остальное учительство польских школ в Славуте, где преобладали женщины-педагоги. Я считал, что благодаря обработке КОЗЛОВСКОГО и ФУРСА, поставленные передо мною задачи по организации деятельности ПОВ осуществляются на практике.

Точно также я обработал зав. польской школой в

172
4/5

селе Селыцы-Голкова, не посвящая его о своей причастности к ПОВ.

Помимо этого, выезжая время от времени на село, я вел продолжительные беседы среди польского населения, восхваляя в осторожной форме жизнь крестьянства в Польше, где каждый крестьянин является полновластным хозяином своей земли и распоряжается плодами своих трудов по собственному усмотрению. Этому я противопоставлял систему колхозов на Украине.

В апреле 1932 г. я по собственной инициативе добился перевода меня на работу в Житомир, являвшийся по моему представлению более подходящим пунктом для организации деятельности ПОВ, тем более, что еще в 1930 г. СОСНОВИЧ предлагал мне выбрать между Славутой и Житомиром. Я на этом основании считал, что имею право по своей инициативе переехать в Житомир.

Неожиданно для себя я был направлен Житомирским партийным Комитетом в Киев, для прохождения курсов по переподготовке преподавателей социально-экономических дисциплин при ЦК КП/б/У.

Я упорно отказывался от учебы на этих курсах вследствие того, что это нарушало все мои планы по развитию деятельности ПОВ в Житомире, поскольку у меня не было никакой уверенности, что по окончании курсов я смогу вернуться в Житомир.

Однако, в партийном комитете мне пригрозили исключением из рядов партии в случае неподчинения и я дал свое согласие на учебу.

Окончив через три месяца эти курсы, я поступил вместе с остальными слушателями в распоряжение культпропа Киевского Обкома КП/б/У. Там мне сообщили, что в Житомире создаются технические курсы по подготовке председателей и секретарей польских национальных сельсоветов и предложили возглавить эти курсы. Естественно, я охотно принял это назначение и в конце декабря 1932 года вернулся снова в Житомир.

В Горкоме партии, куда я прибыл по командировке Киевского обкома, мне было предложено переговорить по поводу организации курсов с редактором польской газеты "Волянь Радзецка" и зав. городским музеем Станиславом МАИ, считавшимся в Горкоме специалистом по польской работе.

Таким образом установилась моя связь с МАИМ.

ВОПРОС:- В чем выразилась Ваша деятельность по линии ПОВ в Житомире?

ОТВЕТ: - После установления связи с МАИМ, на основе ряда продолжительных совместных наших разговоров о Польше и положении польского населения в Сов.Украине, я увидел в его лице убежденного польского националиста; последующее еще больше убедило меня, что я в своих выводах не ошибся. Так, например, во время подготовки посевной кампании, МАИ, будучи редактором польской газеты, всячески избегал мобилизовать внимание на борьбу с кулаками. В открытой беседе он иронически бросил фразу, что "в польской деревне нет кулака". В другом случае мы беседовали по поводу села "Чешская Крошня", заселенного преимущест-

венно чехами. МАЙ указал, что надо "ополячить" это село.

Во всех этих вопросах я целиком поддерживал линию МАЯ, считая, что это целиком отвечает интересам ПОВ.

Проводить обработку слушателей курсов по подготовке руководящих работников для польских национальных сельсоветов я не рискнул, т.к. люди на эти курсы подбирались помимо меня и я опасался своего разоблачения.

Дальнейшему развитию моей деятельности в Нитомире помешал перевод меня на работу в Киев, в редакцию польской газеты "Серп", что имело место в мае 1933 г.

ВОПРОС: - В чем выразилась Ваша деятельность по линии ПОВ в Киеве?

ОТВЕТ: Вскоре после моего перевода в редакцию "Серпа", началась полоса арестов участников ПОВ. В связи с этим я временно прекратил свою контр-революционную деятельность, опасаясь возможного ареста.

Так продолжалось до начала 1935 г., когда неожиданно для меня в Киев приехал СОСНОВИЧ, вновь назначенный редактором "Серпа".

С этого момента возобновилась моя организационная связь по линии ПОВ и практическая деятельность в организации.

Я подробно проинформировал СОСНОВИЧА о всей моей деятельности за время его отсутствия. СОСНОВИЧ одобрил мою деятельность и указал, что сейчас, в связи с разгромом ПОВ в период 1933-34 г.г. перед нами стоят широкие задачи, которые он свел к следующему:

1/ Развитие массовой националистической деятельности среди польского населения.

2/ Организация разведывательной службы по военным и экономическим вопросам.

3/ Политический террор в отношении руководителей партии и советской власти.

СОСНОВИЧ подчеркивал, что отдельные направления деятельности ПОВ должны быть строго изолированы друг от друга, мотивируя это интересами конспирации.

Допрос прерывается.

Протокол мною прочитан. Ответы на вопросы с моих слов записаны верно:

РЫБНИЦКИЙ.

ДОПРОСИЛ: ПОМ НАЧ ОО
ГУГБ НКВД СССР ГЕНДИН

ПРИСУТСТВОВАЛ: ОПЕР. УПОЛНОМ. ОО УГБ
НКВД СССР и КВЧ ГРАНСКИЙ.

176

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвин. РЫНИЦКОГО Степана
Антоновича

От 5 ноября 1935 г.

ВОПРОС: На протяжении какого периода времени вы вместе с СОСНОВИЧЕМ работали в редакции газеты "Серп"?

ОТВЕТ: Вместе с СОСНОВИЧЕМ я работал в редакции польской газеты "Серп" в продолжении 2-х с лишним месяцев.

ВОПРОС: Каковы были Ваши взаимоотношения с СОСНОВИЧЕМ за время совместной с ним работы в редакции газеты "Серп"?

ОТВЕТ: Наши взаимоотношения с СОСНОВИЧЕМ были самыми близкими, приятельскими. Этому способствовала наша взаимоосведомленность о проводимой нами неовяжской к-р. деятельности в Польше и Москве, а впоследствии и в Киеве.

ВОПРОС: Каковы причины Вашего увольнения из редакции газеты "Серп"?

ОТВЕТ: Как я уже показывал ранее, СОСНОВИЧ, после приема дел редакции "Серпа" вызвал меня к себе в кабинет и предложил дать ему подробную информацию о результатах моей неовяжской к-р. деятельности, проведенной мною за время пребывания в СССР и в частности - об имеющихся в редакциях польских газет и вообще в Киеве польских националистических кадрах. Такую информацию я СОСНОВИЧУ дал. В свою очередь СОСНОВИЧ рассказал мне о новых задачах "НОВ" на данном этапе борьбы с компартией и Советской властью, в частности о применении

индивидуального террора над руководителями партии и Соввласти и о направлении неовяков из СССР в Польшу для к-р. деятельности внутри КПШ.

Тогда же я рассказал СОСНОВИЧУ о моих разговорах с КРАВЕЦКИМ, т.е. о том, что к КРАВЕЦКОМУ приезжал из Москвы его знакомый неовяк с целью вербовки людей для неовякской работы внутри КПШ и что КРАВЕЦКИЙ предложил мне и ЗАДРУЖНОМУ поехать в Польшу для этой же работы, на что я и ЗАДРУЖНЫЙ дали свое согласие.

Спустя некоторое время СОСНОВИЧ, в одну из наших бесед с ним, касаясь моего разговора с КРАВЕЦКИМ по поводу поездки в Польшу меня и ЗАДРУЖНОГО сказал, что моя поездка в Польшу непосредственно из редакции газеты "Серп", где националистическая к-р. деятельность отдельных сотрудников последней стала достоянием широкой гласности в Ленинском Райпаркоме и дошла уже до ЦК КП(б)У — крайне нежелательна, т.к. может навлечь на некоторые подозрения и что в связи с этим мне необходимо будет из редакции уволиться и перейти, до отъезда в Польшу, на любую не польскую работу.

Руководствуясь указаниями СОСНОВИЧА я в марте м-це 1935 года с редакции "Серп" уволился и поступил на работу в Киевский Обллесохимпромсоюз на должность инструктора Орготдела.

ВОПРОС: Вам пред"является из"ятая у Вас при обыске справка, выданная на Ваше имя редакцией "Серп" от 20-го марта 1935 года, следующего содержания:

"Выдана тов. РЫНИЦКОМУ Степану Антоновичу в том, что он работал в редакции "Серп" с июня м-ца 1933 года по 14 марта 1935 года в должности старшего инструктора, а затем — Заведующим Рабселькоровского Отдела редакции и уволился с ре-

178
3.-

дакции по собственному желанию". Подписи: Ответственный редактор газеты "Серп" - СОСНОВИЧ, Секретарь ТУТАКОВСКИЙ. Печать - редакции газеты "Серп".

(Справка написана на украинском языке).

Где Вы взяли пред"явленную Вам следствием справку?

ОТВЕТ: Пред"явленную мне следствием справку я получил лично от СОСНОВИЧА при моем увольнении из редакции газеты "Серп". Помимо справки СОСНОВИЧ выдал мне пол-месячного оклада жалования (компенсация, положенная при увольнении) и отпускные, на получение которых я не имел никакого права.

ВОПРОС: Изложите подробно весь Ваш разговор с СОСНОВИЧЕМ по вопросу применения "ПОВ" метода индивидуального террора над руководителями компартии и Советской власти

ОТВЕТ: Встретившись с СОСНОВИЧЕМ в редакции газеты "Серп" (вскоре после его приезда в Киев и приема им дел редакции) и проинформировав его о моей к-р. деятельности в СССР за время отсутствия связи с ним (СОСНОВИЧЕМ) и рассказав также об известной мне расстановке польских националистических кадров по Киеву, я, в свою очередь, спросил СОСНОВИЧА - какие задачи ставит сейчас перед собой "ПОВ". СОСНОВИЧ на это мне ответил, что в данной обстановке и условиях борьбы с компартией и Соввластью "ПОВ" в СССР ставит перед собой следующие основные задачи:

- 1) Развитие массовой к-р. националистической деятельности среди польского населения,
- 2) Шпионаж в пользу Польши,
- 3) Посылка отдельных членов "ПОВ" из СССР в Польшу для проведения пеолякской к-р. деятельности внутри КПП и

4) Индивидуальный террор над руководителями компартии и Соввласти.

Когда я по вопросу применения, вернее необходимости применения индивидуального террора, высказал свои опасения, в связи с суровыми законами органов Советской власти по отношению к террористам, СОСНОВИЧ мне сказал, что эти функции (совершение терактов) должны будут выполнять члены "ПОВ" из местных жителей, хорошо осведомленные о условиях местной жизни и знающие обстановку.

Конкретных разговоров о совершении над кем либо террористического акта между мною и СОСНОВИЧЕМ не было.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан и собственноручно подписан
РЫБИЦКИЙ.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СО - ОВЧИННИКОВ.

180
81

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого РЫБНИЦКОГО /он же
СЫШИДЛЕВСКИЙ/ Степана Антоновича
бывшего зав. отделом в редакции
"С Е Р П".

15 Ноября 1935 года.-

ВОПРОС: В 1929 году Вы, совместно с СОСНОВИЧЕМ и КОВАЛЬЧУКОМ, входили в состав Секретариата ЦК КСМП. Изложите все известное Вам о деятельности последнего?

ОТВЕТ: Первым секретарем ЦК КСМП в 1929 году был СОСНОВИЧ Януш, вторым - КОВАЛЬЧУК, он же "МИХАЛ" и третьим - Я.

СОСНОВИЧ, по своим политическим взглядам, был убежденным пилсудчиком и его работа в КПП, в частности в ЦК КСМП была двурушнической, преследующей сугубо контр-революционные цели. Доказательством этому служит вербовка им СОСНОВИЧЕМ меня в польскую националистическую организацию "ПОВ" и последующая переброска в к-р. целях в СССР.

Таким образом, два члена Секретариата ЦК КСМП - Я и СОСНОВИЧ были по сути польскими фашистами, а отсюда и проводимая ЦК КСМП работа, естественно, направлялась в русло пониманий и убеждений его руководителей.

На основе существовавших приятельских отношений между СОСНОВИЧЕМ и КОВАЛЬЧУКОМ и их совместной работы в Секретариате ЦК КСМП я склонен думать, что КОВАЛЬЧУК также, как и я, был привлечен СОСНОВИЧЕМ к пеолякской к-р. деятельности, сначала для работы в Польше, а впоследствии на территории Советского Союза / КОВАЛЬЧУК, к моменту моего ареста работал в Москве в должности зам. редактора поль-

ской газеты "Трибуна Радзеек" /.

КОВАЛЬЧУК, как и я, находился под большим влиянием СОСНОВИЧА. Однако, конкретных фактов, подтверждающих причастность КОВАЛЬЧУКА к "ПОВ" я не имею.

Благодаря тому, что в 1929 году я, по своему общему и политическому развитию стоял гораздо ниже СОСНОВИЧА и, очевидно, благодаря тому, что единомышленником последнего я стал в конце 1929 года /после вовлечения меня в "ПОВ"/ и вскоре после этого был переброшен в Советский Союз я, всей проводимой СОСНОВИЧЕМ к-р. деятельности по его работе в Секретариате ЦК КСМП, а равно и о деятельности последнего в целом - не знал.

Знаю, что проводимая Секретариатом ЦК КСМП линия на создание комсомольского актива, на подготовку и создание руководящих кадров для работы в низовых организациях КСМП - была направлена к тому, чтобы всячески препятствовать просачиванию /на руководящую работу/ действительно пролетарских элементов - рабочих и батраков, а привлекать к этому интеллигенцию, студенчество, учащуюся молодежь.

Точно такая же линия была взята и в отношении переброски лиц в Советский Союз.

Подбор и воспитание кадров для низовых руководящих работников по линии КПИ и КСМП проводился в духе враждебного ЦК КПИ и линии Коминтерна в целом. Так, в 1926г. будучи курсантом нелегальных партийных курсов КПИ в Москве я встретился с фактом, когда абсолютное большинство слушателей были убежденными троцкистами. Преподавательский состав курсов и Польсекция Коминтерна хорошо об этом знали,

182
ЗБ

но никаких мер к предотвращению направления их на руководящую партийно-комсомольскую работу в Польшу не принимали.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано и собственноручно подписано.-

Рыбницкий.-

ДОПРОСИЛ:

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ. 00 УГБ НКВД
УССР и КВО

/ОВЧИННИКОВ/

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого ТУТАКОВСКОГО Сигизмунда Владиславовича

От 19, 20 сентября и
4 ноября 1935 года.
.....

183
88

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ТУТАКОВСКОГО Сигизмунда
Владиславовича

19 сентября 1935 года.

ВОПРОС: Данными следствия Вы изобличены в том, что вели контрреволюционную работу, являясь активным участником "Польской Военной организации".

Следствие требует от Вас правдивых показаний о Вашей контрреволюционной работе.

ОТВЕТ: Признаю, что я до сих пор лгал и обманывал следствие, пытаюсь скрыть свою принадлежность к "ПОВ".

Но я убедился, что нет никакого смысла продолжать дальше свое гнусное отпирательство и покрывать своих соучастников по контрреволюционной работе. Вся "ПОВ" в основном разоблачена. Те звенья, которые мы восстановили после разгрома, теперь тоже вскрываются, ни для меня лично нет другого пути, кроме полного разоружения перед Советской властью, ни для моей организации нет дальнейших перспектив продолжать успешно свою работу.

Я решил в дальнейшем дать правдивые показания обо всей известной мне работе "ПОВ" и контрреволюционной работе как своей, так и моих соучастников по организации.

Я был завербован в "польскую военную организацию" /"ПОВ"/ в октябре 1932 года ТИТОВИМ - быв. директором польского педагогического техникума в Проскурове. С тех пор непрерывно принадлежал к к-р организации и вел контрреволюционную работу, первоначально в Проскуровской, а впоследствии - Киев-

184
- 2.
#6

ской группах "ПОВ".

ВОПРОС: При каких обстоятельствах Вы были вовлечены в польскую военную организацию?

ОТВЕТ: Еще до вступления в "ПОВ" я был идейно близок к польским националистам и проводил фактически националистическую линию.

После ряда бесед с ТИТОВЫМ и НЕВМИЙСКИМ, а также БЕРГОМ, я пришел к глубокому убеждению, что никакое польское национальное культурное строительство в СССР невозможно, что политика Советской власти по отношению к польскому населению является политикой колонизаторской, политикой руссификации, украинизации и проч.

Продолжительные разговоры с указанными лицами совершенно изменили мой взгляд на положение вещей в Польше, в частности на ПИЛСУДСКОГО и фашизм.

Тогда же в октябре 1932 Года ТИТОВ прямо поставил передо мной вопрос о том, что существует польская контр-революционная организация и предложил мне вступить в нее. Как указал тогда ТИТОВ, задачи к-р организации сводились к борьбе в Советской власти в целях всемерного развития польских патристических идей среди поляков на Украине, отстаиванию "польской культуры" и защите польского населения от "колонизаторской" политики Советского Союза.

После некоторых бесед с ТИТОВЫМ я на сделанное им предложение дал согласие, сознательно, вполне отдавая себе отчет в этом, вступив в "польскую военную организацию". В известной мере этому способствовали трудности, которые переживал Советский Союз в те годы. Позже я был посвящен ТИТОВЫМ, НЕВМИЙСКИМ и БЕРГОМ полностью в об"ем целей и задач,

- 3.185
84

которые ставила перед собой "ПОВ".

ВОПРОС: Что Вам известно о деятельности "ПОВ", в частности - Проскуровской группы "ПОВ" в этот период времени и какую работу, как ее участник, провели Вы лично?

ОТВЕТ: К октябрю 1932 года Проскуровская группа "ПОВ" состояла из: ТИТОВА, НЕВМИЙСКОГО, меня, ВЕРГА, ГОЛЬД к этому времени уехал из Проскурова. Принадлежал ли к группе ЛЕВВИЦКИЙ мне не говорили, но я догадывался об этом. В селах Проскуровского района, насколько я знаю, целостных ячеек не было, однако, отдельные члены были, такими являлись:

1. КОТОВСКИЙ - ныне парторг в с. Шаровечка, Проскуровского района.
2. КУРНИЙ Станислав - ныне студент Комвуз "а им. КОССИОРА в Киеве.
3. ВЕЛЯШ - ныне бригадир колхоза в с. Гречаны, Проскуровского округа.
4. ОЛЬХОВСКИЙ - осужден за бандитизм.

Более широкого влияния среди польского крестьянства нам добиться не удалось, но мы проводили свое влияние через газету, техникум, школу, учительские курсы и проч. Позже приехала в Проскуров из Киева ПИШАЛКО Виктория и включилась в нашу к-р работу.

Моя контрреволюционная работа в Проскурове заключалась в следующем:

1. Добивался через районные организации и газету полной полонизации украинских сел: Крачки, Мартыновка, Заричья, которые мы называли польскими селами;
2. Возбуждал в польских массах ярую ненависть к Советской власти и населению других национальностей, ширя симпа-

98

тии к Польше;

3. Стремился сделать Проскуров польским форпостом, создавая с этой целью предпосылки для организации польского района или округа, охватывающего Проскуровский, Черно-Островский, Волочиский и Сатановский районы, дабы также подвести базу тем самым для возможности постановки Польшей вопроса о плебесците в целях присоединения этой части Подолии к Польше.

Подробно этому, вся "ПОВ" подготавливала отторжение Украины от Советского Союза и расчленение СССР, который являлся для нас "исконным врагом", в то же время пытаюсь подготовить на Украине благоприятный для Польши плацдарм для антисоветской интервенции.

4. Путем протаскивания националистических тенденций во время своих лекций / я преподавал диамат, ленинизм, политэкономия / в польских секторах Совпартшколы, индустриального техникума в польпедтехникуме, я обрабатывал студентов в националистическом духе.

Мы пытались углублять трудности в колхозах польских сел, дабы организовать массовое возмущение польского населения политикой Советской власти. В этом содействовала нам центральная польская печать, сосредоточивая внимание на своих страницах на случаях выступлений коммунистов поляков против хлебозаготовок, какие имели место. Во время хлебозаготовок мы были самыми "ярыми" борцами за хлеб - брали "под метелку", проводили массовые обыски, нарушали революционную законность, ратовали за "встречные планы", а весной 1933г. "хихикали", радовались, когда в с. Шаровечке крестьяне пухли и умирали.

Мое националистическое выступление в то время, когда я еще не принадлежал к "ПОВ" было использовано,

как я указал, центральной польской печатью — "Трибуной Радецкой". В "Трибуне", редактором которой был НЕЙМАН, появились статьи о том, что в Проскурове группа коммунистов-поляков выступила против хлебозаготовок. Это было перепечатано в фашистском "Виленском Слове", как сообщил мне БЕРГ. "Слово" в свою очередь развернуло кампанию о возмущении польского населения Подолии хлебозаготовками.

В скором времени ТИТОВ, а затем НЕВМИЙСКИЙ были арестованы. Я испугался. Свою контрреволюционную работу, полностью ее не прекращая, проводил лишь в особо осторожных формах. Когда же арестовали ПИШАЛКО, а затем ТРИГОРОВИЧЕЙ, с которыми я поддерживал связь, я ждал ареста. В связи с этим максимально старался приспособиться к обстановке, ничем не выделяя себя.

Вскоре последовало улучшение отношений между Польшей и Советским Союзом. Отчасти поэтому, но в основном из-за боязни ареста, я начал рассказывать в избранном для себя пути. Возник ряд трений между мной и БЕРГОМ, остававшимися на непримиримых позициях. С БЕРГОМ мы тогда были чуть ли не единственными перовьяками в Проскурове, не считая находившихся в селах.

Зная, что БЕРГ не разоблачит моей к-р деятельности, а также, что в нашем центре / в Харькове, а позже в Киеве / его хотя и считали несколько сумасбродным, но убежденным контрреволюционером, я решил переметнуться в другой лагерь, тем более, что каждый день приносил подтверждения разгрома нашей организации. С этой целью я двурушнически принимал участие в "разоблачениях" БЕРГА, довольно ловко сыграв эту мерзкую комедию и уже с определенным "политическим капи-

188
- 6. go

талом" решил выехать в Киев, чтобы тут уже не возобновлять своей контрреволюционной работы.

Однако, после приезда в Киев, я убедился, что наша организация восстановлена и продолжает существовать. Об этом сначала намекали, а затем ясно сказал мне МАЙ Чеслав /являвшегося редактором польской газеты "Бондзь Готув"/ и здесь, спустя месяц после переезда в Киев, примерно с сентября 1934г., я включился в активную контрреволюционную работу.

ВОПРОС: Что Вам известно о практической деятельности Киевской группы "ПОВ"? Какую к-р работу, как ее участник, Вы проводили лично?

ОТВЕТ: В редакции, как мне сказал МАЙ, в состав группы "ПОВ", кроме него и меня, входили: СЛИВИНСКИЙ, СЕДЛЕЦКИЙ, БЕЛЕВИЧ, СОВЧАК. Сочувствующими группе я считал ЗАДРУЖНОГО и ЗАЙОНЧКОВСКОГО, однако, точно не знаю принадлежали ли они к к-р организации.

Основной нашей задачей было дальнейшее восстановление организации, сохранение ее живой силы - кадров и хотя медленное, но верное развертывание работы. Поэтому, когда возникали инциденты в "Бондзь Готув", где БЕЛЕВИЧ, а прежде всего МАЙ и СЛИВИНСКИЙ пускали одну за другой контрреволюционные ошибки, я должен был их защищать, а это меня, как псевда, расшифровало. Я всегда был сторонником более тонкой работы, зная по опыту, что она будет гораздо более эффективной. Отсюда возникли споры с МАЙМ, тем более, что я вначале ничего не знал об общем руководстве восстановленной организации, обеспечивавшим нам своим высоким положением надлежащую поддержку. Лишь впоследствии я догадывался о том, что КОНЕЦКИЙ входит в организацию. Об этом уже определенно мне сказал позже МАЙ Че-

189
- 7.
91

слав. Он же сообщил мне о принадлежности к "ПОВ" СОСНОВИЧА Януша. Как о КОНЕЦКОМ, так и СОСНОВИЧЕ, МАЙ меня информировал как о членах руководящего центра "ПОВ" на Украине.

В основном практическая работа Киевской группы "ПОВ", к которой я принадлежал, за период с сентября 1934г. по август 1935г. проходила по двум направлениям:

1. По линии подготовки террористических актов и
2. Организационной и идеологической националистической работе.

Полностью весь об"ем деятельности нашей группы мне неизвестен, ибо по соображениям строжайшей конспирации и целом ряде заданий и к-р работе, которая проводилась членами группы, вся группа не была информирована.

В области террора группа подготавливала покушения на КОССИОРА, ПОСТЫШЕВА и БАЛИЦКОГО, а также проводила обучение своих участников для совершенного овладения оружием, в частности револьвером. По существу террористической деятельности нашей группы дам дополнительные показания.

В области организационной и идеологической - группа "ПОВ" проводила следующую работу / в основной своей части/:

Велась работа по вербовке новых членов "ПОВ" и обработке польской молодежи в националистическом духе. Эта работа проводилась индивидуально каждым из участников группы. Велась замаскированная националистическая пропаганда через газеты: Аппараты редакций польских газет укомплектовывались националистами. Через печать вносилась дезорганизация в работу польских школ, клубов, техникумов и проч. путем огульного охаивания их работы и главным образом тех из них, где работа была хорошо поставлена. Через газеты протаскивались явно контрреволюционные выпады и проч.

Моя практическая к-р националистическая работа в "СЕРПЕ" с сентября 1934г. по самый день моего ареста, заключалась в следующем / в основном/:

1. Дальше проводил линию, направленную к принудительной колонизации украинского и украинизированного населения, в частности путем принудительного распространения наших газет;

2. Совершенно саботировал интернациональное воспитание и борьбу с национализмом / польским/, выступая в газете только против крепко "запачканных", уже разоблаченных националистов;

3. Воспевал "достижения" польпединститута, польского театра, Мархлевского польского района, дабы скомпрометировать в наибольшей степени национальную политику коммунистической партии и Советской власти, ибо всякий знал, что художественные достижения театра не стоили ломанного гроша, что польпединститут выпускает неучей, что положение в Мархлевске аховое и т.п.

4. В бытность в Мархлевске / Декабрь 1934г./ вместе с КРАВЕЦКИМ и ЗАЙОНЧОВСКИМ проверял польскую библиотеку района. Дабы оставить к-р литературу изданий наших пеовяков за период 1932-33г.г. мы вырывали из книжек страницы, на коих было указано, кто редактировал, вносил исправления и добавления в книги.

5. Вместе с МАЕМ, СЛИВИНСКИМ, СОВЧАКОМ и другими распространял к-р анекдоты, в которых высмеивалось руководство партии и Соввласти, положение в СССР и проч.

6. Всемерно поддерживал людей близких нам "ПОВ" хотя бы по духу /"расследование" дела в с.Польяновке, Новоград-Волынского района, где я покрыл националиста ДЛУЖЕВСКОГО и проч./.

Еще в Проскурове меня упрекал ТИТОВ, что я не выполняю задания по вербовке новых членов "ПОВ". Я пытался это делать неоднократно. В частности после спровоцированного мною националистического выступления в индустриальном техникуме, / это имело место в Проскурове осенью 1933г. когда студенты поляки демонстративно отказались заниматься с евреями и не вышли на занятия/, я инициатором этого выступления СОРОКОВСКОГО назначил на должность секретаря редакции газеты "коллективиста Погранича", которую я временно редактировал: назначение это состоялось уже когда я собирался порвать с "ПОВ", но подготавливалось оно мною раньше. Открыто говорить о СОРОКОВСКИМ я опасался в силу колебаний, которые у меня тогда были, почему его мне завербовать не удалось.

В Киеве я был оторван от масс молодежи и от организационных вопросов стоял в стороне. Преподавая в Коссиоровке, я опасался влиять на студентов на лекциях. Правда, КУРЖИЙ, заходил ко мне в редакцию, однако, кроме общей информации, о том, кто сидит, больше разговоров не было.

Вскоре наша организация "ПОВ" распоясалась, действуя совершенно бесконтрольно, захватив руководство в редакциях, мы всеми мерами дискредитировали национальную политику партии, распространяли польский национализм, расширяя свою деятельность под прикрытием "сильной опоры в ЦК". Оживлению нашей работы способствовала и внешняя обстановка. Мы возлагали большие надежды на блок польского, германского и японского фашизма, ставили ставку на скорую войну и интервенцию. В значительной степени поэтому редакция "имела успехи в оборонной работе" — повсюду были застрельщиками в сдаче норм на Ворошиловских стрелков, парашютистов и проч.

Арест МАЯ, СЕЗЛЕЦКОГО, ЗАДРУЖНОГО был для нас полной неожиданностью. Тоже относится и к аресту ВИРКОВ-

СКОГО Ивана и ВОРОНЕЦКОГО Сигизмунда / тогда я не знал об их принадлежности к "ПОВ"/. Незадолго до моего ареста, в Киев приезжала ЗАБЛОЦКАЯ /жена ВИРКОВСКОГО/ и долго совещалась с СОСНОВИЧЕМ. Считаю, что она информировала его о положении в Мархлевске и всем, связанным с арестом ВИРКОВСКОГО.

Также мой арест был для меня неожиданностью. Я считал себя достаточно застрахованным всеми принятыми мною мерами маскировки "разоблачением" БЕРГА и проч. Поэтому я твердо решил не признаваться. Только спустя три недели после многократных размышлений, я увидел, что наша ставка бита. Я убедился полностью не только в неминуемости разгрома остатков и вновь созданных звеньев "ПОВ", но также и в абсолютной безперспективности ее: она гнила заживо, дороги к массам найти не могла, а мощь Советского Союза все возрастает. Мне стало ясным, как жалки наши попытки. То, что я много раз вычитывал из книг, мне стало ясным на практике. Я убедился, что колеса истории вспять повернуть не удастся. А мы контрреволюционные польские националисты, двурушники, которые кичились между собой своим патриотизмом - наносили крупнейший вред польским трудящимся массам. Хотя я еще не успел продумать до конца, однако, уже вижу, какой гнусной была вся наша контр-революционная работа, в особенности моя, ибо я все время был самым матерым врагом - одним из наиболее опасных для рабочего класса.

На разоблачение своей контрреволюционной работы и моих вчерашних сообщников толкает меня не страх перед наказанием, а сознание полного краха польского контрреволюционного национализма вообще и моего краха, как контрреволюционера, использовавшего партийный билет в своих мерзких целях, в частности.

Протокол мною прочитан, записан с моих слов верно,
в чем и расписываюсь.-

С.ТУТАКОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: ОПЕРУПолномочен.00 УГБ НКВД СССР и КВО
/ДЕНЕНБЕРГ/

194

96

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ТУТАКОВСКОГО Сигизмунда
Владиславовича.

19-го сентября 1935 года

ВОПРОС:- Какое непосредственное участие принимал каждый из членов Киевской группы "ПОВ" в подготовке террористических актов?

ОТВЕТ:- Сторонниками террора были все члены нашей киевской группы, ибо это вытекало из самой программы "ПОВ". Однако часть (я, МАЙ, СОБЧАК) была наиболее решительно настроена и стремилась перенести подготовку к террору в практическую область.

СОСНОВИЧ, являвшийся членом центра "ПОВ" на Украине также принимал участие в обсуждении вопросов, связанных с нашей работой по подготовке террористических выступлений. Примерно, в июне т.г. в его кабинете собрались он, я МАЙ, СОБЧАК, БИЛЕВИЧ, причем СОСНОВИЧ указал, что теперь, после убийства КИРОВА подготовка террористических выступлений стала более сложной, т.к. усилилась бдительность охраны. Он рассказал нам, что когда к КОССИОРУ нес альбом от польского театра, то в ожидательной комнате должен был его развернуть и показать, хотя охраняющий КОССИОРА прекрасно знал его (СОСНОВИЧА). При этом СОСНОВИЧ говорил нам, как охраняются КОССИОР и ПОСТЫШЕВ, на каком месте сидят они в машине во время поездок, указывал, что обычно как впереди, так и сзади едут охраняющие машины. Мы поняли, что нужна более серьезная подготовка к терактам.

СОБЧАК, БИЛЕВИЧ, МАЙ, СЛИВИНСКИЙ познакомились с расположением комнат в ЦК КП(б) У. МАЙ и СЛИВИНСКИЙ был в кабинете у КОССИОРА во время приема им делегации учеников польских школ. Я, будучи только кандидатом партии, имел ограниченный доступ в здание ЦК, а поэтому сосредоточил внимание на времени проезда ПОСТЫШЕВА, БАЛИЦКОГО по улицам и на маршрут их проезда. СОБЧАК БИЛЕВИЧ и я усиленно обучались стрельбе. МАЙ еще в 1934 году сдал нормы на Ворошиловского стрелка.

Особенно активизировались террористические тенденции в нашей группе "ПОВ", после убийства КИРОВА, а затем после смерти Пилсудского. Однако, мы не успели перейти к непосредственной организации терактов. Возможно, руководители центра "ПОВ" (СОСНОВИЧ, КОНЕЦКИЙ) выжидали надлежащей политической ситуации, при которой террористический акт мог-бы оказаться наиболее действенным и поэтому не форсировали подготовки к террористическим выступлениям, поддерживая в нас надлежащую готовность к этому. Вместе с тем, вполне вероятно, что некоторые участники нашей группы получили более конкретные указания, но из соображений строжайшей конспирации вся группа в это не была посвящена.

Протокол написан верно, в чем подписываюсь.

ТУТАКОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

(ДЕННЕБУРГ)

196
98

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

Обвиняемого ТУТАКОВСКОГО Сигизмунда
Владиславовича.

20 сентября 1935 года.

ВОПРОС: Каковы конечные цели, основные задачи и так-
тические установки "Польской военной организации", участником
которой вы являлись?

ОТВЕТ: Центральной задачей "Польской военной органи-
зации" являлось содействие осуществлению главного лозунга поль-
ского фашизма: " Польша - в границах 1772 года, Польша от моря
до моря, Польша Великодержавная".

Поэтому, все без исключения задачи, тактические уста-
новки и методы работы " ПОВ" были подчинены целям антисовет-
ской интервенции со стороны Польши и отторжения Украины от
Советского Союза и последующего империалистического расчле-
нения всего СССР. Соответственно международной политической
ситуации менялись те или иные об"екты в империалистической
программе польского фашизма, осуществлявшейся "ПОВ". Однако, на-
правление экспансии прежде всего против Советского Союза, захват
Украины всегда занимал центральное место. А после осуществления
союза германского и польского фашизма в 1934 г., постановка этих
целей "ПОВ" переносилась в плоскости ориентировки на эту между-
народную обстановку.

"Польская военная организация", осуществляя план,
правлящих кругов, действовала по прямым директивам 2 Отдела
польского генштаба. Ее работа проходила в основном по трем нап-
равлениям: 1) идеологическом, 2) шпионаж и диверсии, 3) террор.

197
29

Идеологическая работа "ПОВ" ставила своей задачей так называемое "сопротивление руссификации и украинизации поляков", проведение принудительной полонизации украинского и украинизировавшегося населения, насаждение польского национализма и шовинизма, антисемитизма, руссо и украинофобства. симпатии к "коренной Польше" путем живого освещения фактического положения вещей в фашистской Польше, насаждение польских сельсоветов, школ, клубов, газет с охватом в них непольского населения; одновременно с внедрением полонизаторской политики, что должно было возбуждать недовольство советской властью среди украинского, еврейского и др. населения, — возбуждение так называемого общественного мнения в Польше вокруг "преследования поляков" в СССР и проч.

Одновременно с этим проводилось намеренное вредительство на фронте национально-культурного строительства среди польского населения: одновременно с проведением полонизаторской политики "ПОВ" дезорганизовала работу польских школ, техникумов, клубов, домов колхозника, театр, пединститута и др., дабы возбудить в польских массах неудовлетворенность и недовольство по отношению к советской власти.

Одним из центральных лозунгов "ПОВ" был лозунг — "национального единства поляков", выделение вопросов этого единства, как превалирующих, при поддержке развития католицизма, содействии работе религиозных организаций (терциаров, ружанцевых кружков и проч.).

Также постоянно крича в газетах, на собраниях о военных приготовлениях польского, германского, японского империализма "ПОВ" внушала польскому населению веру в военную и экономическую мощь Польши и ее союзников. Маскируясь пропагандой мирной политики Советского Союза, "ПОВ" внушала массам убеждение в военной и экономической слабости СССР.

198
100

Шпионская и диверсионная работа "ПОВ" имела целью непосредственную подготовку к антисоветской интервенции со стороны Польши: информацию польского генштаба о мобилизационных возможностях СССР (промышленности и транспорта), о состоянии Красной армии и добровольных физкультурно-оборонных обществ (Осоавиахим, автодор, "Динамо" и др.), о тех или иных стратегических пунктах, нанесение непосредственного урона обороноспособности СССР, путем диверсионных актов (взрыв, поджогов, массовых отравлений водопроводных магистралей и проч.), внесение панических настроений среди населения и проч..

Под видом работы по укреплению обороноспособности СССР проводилось военное приспособление членов "ПОВ" и под их руководством, — националистической части польской молодежи для последующего содействия польской армии и участия в ней во время империалистической интервенции.

Тактика "ПОВ" была многообразной и быстро изменилась в соответствии с политической обстановкой. Выдающееся место в ней занимали провокационные методы.

Так например, борясь за "национальное единство" поляков, члены "ПОВ" одновременно выдавали себя за ярых борцов против кулачества, польского национализма и т.п.. Применяя направленные против кулачества мероприятия Соввласти также к середнякам и беднякам, мы пытались возбудить ненависть польского населения к компартии и диктатуре пролетариата. Во время лекций, докладов и др. выступлений, мы усиленно подчеркивали пролетарский характер Советского государства, дабы возбудить недовольство крестьянства. Проводя самую махровую националистическую политику, одновременно, время от времени об"являли националистами не-причастных людей, а иногда простое желание обучаться польскому языку шельмовали как национализм. Все это должно было дискредитировать национальную политику в глазах населения.

Когда была разоблачена деятельность "ПОВ" в области принудительного насаждения польских сельсоветов, школ, клубов, члены "ПОВ" демонстратировали себя как явных сторонников, так называемого "выкорчевывания Скарбековского наследства". Мы агитировали за закрытие польских школ даже там, где были большие компактные массы польского населения, за наиболее широкое закрытие польских клубов, газет и прочее, дабы возбудить прямое возмущение "руссификаторской и украинизаторской политикой Советской власти".

Распространяя ложь и клевету о том, что аресты членов "ПОВ" произведены потому, что они "поляки", мы каждый случай ареста и разоблачения участников нашей организации старались использовать одновременно для прямого терроризирования поляков, совершенно непричастных к нам и под видом борьбы за "повышение классовой бдительности", пытались добиться репрессий, которые расценивались бы как репрессии под широкими массами польского населения. Этим среди самого населения стремились создать состояние неуверенности в завтрашнем дне, тревогу и повседневные опасения, как базу политического недовольства.

"ПОВ" стремилась руководящие посты на "польской работе" предоставить своим членам, дабы захватывая руководство в свои руки, обеспечить бесконтрольное проведение своей работы.

"ПОВ" широко использовывала "монополию" на "польскую работу". Даже после ликвидации польских бюро при партийных комитетах в 1930г., работа среди польского населения фактически передавалась "польским работникам" — коммунистам — полякам. Известная часть их является членами "ПОВ". Комитеты КП(б)У информировались о польской работе неовьяками так, как это было выгодно "ПОВ".

200
102
5.-

В неменьшей степени "ПОВ" использовывала то, что на польской работе находились в значительной части никуда негодные работники (вроде МАЦА из Нацменкомиссии ЦИК"а Украины), которые были пустым местом и ширмой для нашей работы.

ВОПРОС: Каким образом вам известны цели, основные задачи и тактика "ПОВ", кем персонально вы информировались об этом?

ОТВЕТ: Подробно в существо деятельности "ПОВ" ее основные цели и задачи я был посвящен ТИТОВЫМ, НЕМЕЙСКИМ и БЕРГОМ в Проскурове в 1932-33 г.г..

О новейшей политической ориентировке и тактике "ПОВ" я был ориентирован в беседах с МАЕМ, СЛИВИНСКИМ и СЕДЛЕЦКИМ в последние годы.

Протокол мной прочитан, записан с моих слов верно в чем и подписываюсь.

С.ТУТАНОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ
НКВД УССР и КВО (ЛЕНЕНБУРГ)

201
103

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ТУТАКОВСКОГО Сигизмунда
Владиславовича.

4 ноября 1935 года.

ВОПРОС: Вы показали, что в Киевской организации "ПОВ" с ноября 1934 года был поставлен вопрос о подготовке террористических актов над руководством партии и правительства — персонально т. КОСИОРОМ, т. ПОСТЫШЕВЫМ и т. БАЛИЦКИМ.

Изложите подробности обсуждения в к-р организации вопроса о террористической деятельности.

ОТВЕТ: Как я уже показал, в нашей организации "ПОВ", начиная с ноября 1934 года, стали обсуждаться вопросы осуществления террора над руководством партии и Правительства.

В двадцатых числах ноября 1934 года, в разговоре между мною и МАЕМ Чеславом, по инициативе МАЯ, был затронут вопрос о переходе в нашей к-р работе к методам террора. Разговор этот происходил вечером, в помещении редакции "Бондзь Готув". МАЙ сказал мне, что имел беседу со СЛИВИНСКИМ, который указывал на пассивность работы нашей организации, игнорирующей боевую работу и выдвигал необходимость перехода к террору, как к реальному средству борьбы. Я интересовался тогда у МАЯ, есть ли об этом какие либо установки от нашего руководства "ПОВ". МАЙ ответил на это отрицательно и указал, что "за дело мы должны взяться сами, по своей же инициативе". Эта беседа имела характер предварительного обмена мнениями и ничего конкретного тогда решено не было.

После этого разговора я в течение продолжительного

времени размышлял над этим вопросом и пришел к выводу, что нужно перейти к практической подготовке террористических актов. Предполагал предварительно поговорить с другими участниками нашей организации, для выяснения их мнения в вопросах подготовки актов террора.

После ленинградских событий эти настроения активизировались как у меня, так и у других участников нашей организации. Так, СОБЧАК Иван однажды вскоре после убийства КИРОВА выразил эти настроения своим замечанием в беседе со мной о том, что "там (т.е. в Ленинграде), действуют, в то время, как мы молчим".

Участники нашей организации: МАЙ, СЛИВИНСКИЙ, СОБЧАК, БЕЛЕВИЧ, СЕДЛЕЦКИЙ и Я - ТУТАКОВСКИЙ - были единодушны в острой ненависти к руководителям КП(б)У и Правительства. О руководителях партии и правительства говорили в озлобленном и клеветническом духе. Особую ненависть мы питали к ПОСТЫШЕВУ и БАЛИЦКОМУ.

СЛИВИНСКИЙ как то во время игры со мной в шахматы в январе 1935 года, в комнате редакции "СЕРП", где помещался партотдел, говорил, что "ПОСТЫШЕВ является самым отвратительным русотяпом на Украине".

Я в одной из бесед с СЕДЛЕЦКИМ вечером в редакции "Голос Млодзержи", в феврале 1935 года говорил, что "ПОСТЫШЕВ своей политикой сеет вражду и в этом отношении работает на нас - пеоляков. Я говорил при этом, что ПОСТЫШЕВ громит все польское и потому лучше разоблачает политику ВКП(б), чем это могли бы сделать десятки наших организаций".

СЕДЛЕЦКИЙ в этом полностью со мной соглашался.

Беседы подобного озлобленного характера о руководителях партии и правительства имели место между нами неоднократно.

283
105

В результате всех этих бесед мы начали сходиться на единодушной мысли о необходимости направления террора именно против КОСИОРА, ПОСТЫШЕВА и БАЛИЦКОГО.

Так, говоря о ПОСТЫШЕВЕ и о БАЛИЦКОМ, СОВЧАК заметил, что террором по отношению к ним лучше всего отомстить за тех участников "ПОВ", которые "страдают на ледяном Севере".

Немного позже, приблизительно в первых числах марта с.г., СЛИВИНСКИЙ говорил о том, чтобы также "устранить" КОСИОРА. Разговор об этом был в комнате редакции "Глос Млодзехи", при участии моем и СЕДЛЕЦКОГО. Как говорил СЛИВИНСКИЙ "следует устранить и КОСИОРА не только как руководителя КП(б)У и одного из вдохновителей разгрома "ПОВ" в 1933 году, но прежде всего, как изменника-поляка, который отрекся от своей родины". Это будет, как говорил СЛИВИНСКИЙ, "уроком другим". В этом я и СЕДЛЕЦКИЙ со СЛИВИНСКИМ полностью солидаризировались.

Таким образом к апрелю 1935 года об"екты террора, в лице КОСИОРА, ПОСТЫШЕВА и БАЛИЦКОГО, были уже намечены.

Последствия, какие явились бы результатом совершения террористических актов, как мною, так и другими участниками нашей к-р организации высоко расценивались с точки зрения достижения целей "ПОВ".

Я высказывал мысль, что совершение террористического акта над КОСИОРОМ, ПОСТЫШЕВЫМ или БАЛИЦКИМ будет иметь крупное политическое значение. Подобный акт террора, при учете того, что осуществили его поляки, засвидетельствует перед всем миром и в первую очередь в Польше "существующие преследования" и борьбу поляков в СССР, даст непосредственный повод Польше для крупной антисоветской кампании, в частности на пересмотр Рижского договора и сможет содействовать развязыванию антисоветской активности со стороны Польши. Эту мысль я высказал СОВЧАКУ в при-

существовании СЕДЛЕЦКОГО однажды в январе 1935 года в комнате редакции "Глос Млодзержи", когда мы остались после одного из партийных собраний.

В марте с.г. СЛИВИНСКИЙ говорил при мне МАЮ (разговор был в редакции "Бондзь Готув"), что убийство нами ПОСТЫШЕВА могло бы быть "чем то вроде Сараевского выстрела".

В аналогичном духе политические цели осуществления терактов расценивались в неоднократных беседах, происходивших между мной, МАЕМ, СЛИВИНСКИМ, СОВЧАКОМ, БЕЛЬВИЧЕМ и СЕДЛЕЦКИМ.

Мы также считали, что если террористический акт нам удастся осуществить, это вызовет усиление антисоветской активности со стороны молодых польских националистических кадров и призовет другие звенья "ПОВ" к боевой активности.

ВОПРОС: Какие конкретные практические шаги были предприняты в дальнейшем к организации террористических актов?

ОТВЕТ: В дальнейшем наша организация приступила к практической подготовке к совершению терактов. В соответствии с политическими целями намечаемых нами терактов и вытекавшими практическими задачами, из участников нашей организации был создан "боевой отдел" "ПОВ" в Киеве, в который вошли: МАЙ Чеслав, СЛИВИНСКИЙ Казимир, СОВЧАК Иван, БЕЛЕВИЧ Бронислав и Я - ТУТАКОВСКИЙ. СЕДЛЕЦКИЙ не принял непосредственного участия в работе "боевого отдела", но был в курсе его деятельности.

ВОПРОС: К какому времени относится создание "боевого отдела", каким образом создание его было осуществлено?

ОТВЕТ: Создание "боевого отдела" относится к апрелю 1935 года. Вопрос этот был решен в совместных переговорах, состоявшихся между мной, МАЕМ и СЛИВИНСКИМ в апреле с.г., в помещении

редакции "Бондзь Готув", под прикрытием игры в шахматы. Вопрос о создании "боевого отдела", как боевой организации, был выдвинут мной в целях практической подготовки к непосредственному осуществлению ряда террористических актов.

Тогда же мы порешили, что создавшаяся боевую организацию войдут прежде всего МАЙ, СОБЧАК и Я - ТУТАКОВСКИЙ. Руководящая роль была предоставлена МАЮ Чеславу. Позже вошли СЛИВИНСКИЙ и БЕЛЕВИЧ. Участники "боевого отдела" должны были явиться, как мы решили, непосредственными исполнителями террористических актов.

ВОПРОС: Изложите подробно, какие мероприятия были проведены созданным "боевым отделом" по подготовке террористических актов?

ОТВЕТ: Прежде всего в части подготовки к терактам были распределены участки деятельности среди членов "Боевого Отдела", так как я предложил точно определить, что каждый из нас должен будет делать. Об этом я лично говорил с МАЕМ тогда же, в апреле с.г.. Несколько дней спустя МАЙ предложил мне взять на себя обязанность собирать сведения и следить за маршрутами проездов ПОСТЫШЕВА и БАЛИЩКОГО, с целью установить по каким улицам они преимущественно ездят. По словам МАЯ, он сам, совместно со СЛИВИНСКИМ, как имеющий доступ в ЦК КП(б)У, будут знакомиться с расположением комнат в ЦК КП(б)У, особенно с расположением кабинета КОСИОРА и ближайшими комнатами. Я, БЕЛЕВИЧ, СОБЧАК, как мы условились, должны были постоянно упражняться в стрельбе, сам же МАЙ владел оружием прекрасно.

В результате МАЙ и СЛИВИНСКИЙ добились того, что были даже в кабинете КОСИОРА во время приема у него делегации польских учеников и достаточно хорошо ознакомились с расположением комнат в ЦК КП(б)У. Я и БЕЛЕВИЧ в мае с.г. настолько овладели

техникой стрельбы, что сдали норму на значек "Ворошиловского стрелка" (в Ленинском тире Осоавиахима) и постоянно упражнялись в стрельбе и в дальнейшем.

Мне удалось видеть два проезда БАЛИЦКОГО по ул.25-го Октября, проезд ПОСТЫШЕВА по ул.Короленко, проезд КОСИОРА по Брест-Литовскому шоссе. Но определить их маршруты при поездках по городу и какую либо систему в их проездах мне еще не удалось.

Имею место обсуждение вопроса о приискании оружия (револьвера). МАЙ советовал стараться получить оружие по рекомендации Партийного Комитета или же подыскивать возможность купить нелегальным путем. Учитывалось при этом, что к вопросу приобретения оружия нужно подойти осторожно, чтобы не обратить на себя внимания и не вызвать подозрений. Вообще же по нашему мнению, вопрос об оружии затруднений бы не вызвал, так как особые возможности к этому определялись партийной принадлежностью большинства участников "боевого отдела".

В первую очередь мы считали необходимым собрать сведения, которые определяли бы:

1) Над кем именно - КОСИОРОМ, ПОСТЫШЕВЫМ или БАЛИЦКИМ мы будем в первую очередь готовить террористический акт, что зависело в первую очередь от того, покушение на кого из них могло иметь наибольшие шансы на успех;

2) В зависимости от этого должен был быть намечен конкретный план совершения покушения и выделены исполнители из числа членов "боевого отдела".

В плане намеченной нами и проводившейся подготовки к терактам, для лучшей тренировки в стрельбе и привития членам "боевого отдела" лучших боевых качеств, я в мае с.г. в беседе с БЕЛЕВИЧЕМ, возвращаясь из тира, предложил организовать при редакции "СЕРП" стрелковый кружок, в который вошли бы члены "боевого

207
7.-
109

отдела". БЕЛЕВИЧ поддержал мою мысль. Первоначально я советовал МАЮ взять на себя руководство этим кружком, но потом для лучшей маскировки предложил выдвинуть, как руководителя кружка, какого либо из посторонних. Организацию стрелкового кружка нам осуществить не удалось.

Как я уже показал, последовавшие раз"езды ряда членов "Боевого отдела", а затем аресты и разгром нашей к-р организации не дали нам завершить намеченную нами подготовку к терактам и их осуществление.

Если бы не разгром нашей к-р организации и ее "боевого отдела", намеченные нами покушения были бы произведены.

Протокол мне прочитан, написан с моих слов верно, в чем и подписываюсь.

ТУТАКОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО - ДЕНЕВБУРТ.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого ГРУДН (он же ДЕМКЕ) Михаила Михайловича

бывшего зав. партотделом
газеты "С е р п".

От 16, 25 октября и
5 ноября 1935 года. —

H

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ГРУДЫ (он же ДЕМКЕ) Михаил
Михайловича, бывшего Заведующего Партот-
делом газеты "С Е Р П"

16-го Октября 1935 года

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОСОБОГО ОТДЕЛА УГБ
НКВД УССР и КВО - АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

ПРИСУТСТВОВАЛ: ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОСОБОГО ОТДЕЛА
УГБ НКВД УССР и КВО - Л И Т М А Н

ВОПРОС:- Состояли ли Вы в Польше членом коммунисти-
ческой партии и имели ли какое либо отношение к революционному
движению?

ОТВЕТ:- С 1921 года января или декабря месяца я сос-
тоял членом коммунистической партии Польши.

ВОПРОС: Состояли ли Вы находясь в Польше членом дру-
гих партий или организаций?

ОТВЕТ:- Не состоял.

ВОПРОС:- Служили ли Вы в польской армии?

ОТВЕТ: - В 1920 году во время наступления советских
войск на Варшаву я поступил добровольно в польскую армию в пер-
вый рабочий полк защиты Варшавы и прослужил в нем до отступления
Красной армии из под Варшавы.

ВОПРОС:- Под влиянием чего Вы вступили добровольно
в польскую армию?

ОТВЕТ:- Под влиянием патристических чувств, выразив-
шихся в желании защитить от советской власти независимость Поль-
ши.

1/2

ВОПРОС : Подвергались ли Вы репрессиям за время работы в КПН?

ОТВЕТ:- До 1924 года я арестовывался несколько раз на митингах и демонстрациях и освобождался после каждого ареста через 2-3 дня. В 1924 году я был призван в польскую армию, где в качестве старшего рядового прослужил до Октября 1925 года.

В 1926 году в декабре месяце я был арестован на демонстрации (какой не помню) сидел сутки или двое и был освобожден. В 1927 году в январе месяце я был арестован на заседании Варшавского комитета вместе с членами этого комитета ЯНИЦКИМ и МАНЬКОВСКИМ (проживают в настоящее время в Москве), в мае месяце я был освобожден под залог, который внесла за меня партия. Через непродолжительное время после моего освобождения я был вызван в суд, куда по решению ЦК КПН не явился и был направлен в СССР в международную Ленинскую школу, где занимался до 1930 года. В том же году не окончив школы, польсекция направила меня на работу в Страну.

ВОПРОС:- Какую партийную работу Вы вели после Вашего приезда из СССР в Страну?

ОТВЕТ:- Я работал в составе пятерки военного отдела ЦК КПН.

ВОПРОС:- Подвергались ли Вы репрессиям за время Вашего пребывания на работе в пятерке военного Отдела ЦК?

ОТВЕТ:- В 1931 году в феврале месяце я был арестован Варшавской дефензивой на квартире курьера военного отдела ИВЕКОВСКОЙ Амелии (Вилевская 43), у которой при обыске были обнаружены тезисы аграрного отдела ЦК КСМН.

ВОПРОС:- Были ли при Вас в момент ареста какие либо документы?

ОТВЕТ:- У меня был при себе паспорт на мою настоящую фамилию и военная книжка. Никаких других документов при аресте у меня не было. После этого ареста по приговору суда я был осужден к 4-м годам тюремного заключения.

ВОПРОС:- Отбыли ли Вы весь срок наказания?

ОТВЕТ:- После 3-х лет заключения, я через адвоката НЕЙФЕЛЬД изсхдатывствовал отпуск на 3 месяца. За это я уплатил НЕЙФЕЛЬДУ из собственных средств 700 злотых и 500 злотых внесла за меня партия Окружному суду в виде обеспечения моей явки-залог по истечении срока отпуска.

ВОПРОС:- Прекратили ли Вы коммунистическую деятельность после освобождения из тюрьмы?

ОТВЕТ:- Нет, на следующий день по выходе из тюрьмы, я вновь связался с членом секретариата ЦК КАРЛОВСКИМ, от которого получил назначение в качестве руководителя профсоюзной работы Варшавского Комитета Профсоюзной -левой. По истечении срока моего отпуска, я обратился к Прокурору апелляционного суда РУДНИЦКОМУ который продлил мне отпуск еще на три месяца. По окончании этих 3-х месяцев, я обратился к НЕЙФЕЛЬД, которая за взятку в сумме 700 злотых!, уплаченных ей из моих собственных средств, изсхдатывствовала мне в министерстве внутренних дел дополнительный отпуск на 4 месяца.

ВОПРОС:- В течение 6-ти месяцев Вы израсходовали на ходатайства об отпусках 1.400 злотых, где Вы добывали эти средства?

ОТВЕТ:- Одаживал у знакомых.

ВОПРОС:- У каких знакомых Вы одаживали деньги?

1211
114

ОТВЕТ:- У ВАЛЬДЕМАРА-жителя г. Варшавы, 6/партийного 500 злотых, у ВИШНЕВСКОГО - 6/партийного - 200 злотых. Остальных я не помню.

ВОПРОС:- Вербовались ли Вы дефензивой во время ареста?

ОТВЕТ:- Во время моего тюремного отпуска я был вызван Варшавской дефензивой, которая предложила мне сотрудничать в ее пользу, обещая за это сократить мне приговор на остаток моего заключения - один год и хорошую работу.

ВОПРОС: Вы также согласие дали?

ОТВЕТ:- Нет, не дал .

ВОПРОС: - Почему , несмотря на то, что Вы согласие не дали, Вам представляли такие длительные отпуска?

ОТВЕТ: Я не знаю.

ВОПРОС: Каким образом находясь в тюремном отпуску и будучи осужденным Вам удалось выехать в СССР?

ОТВЕТ: После моего вызова в дефензиву, я обратился к члену ЦК партии КАРЛОВСКОМУ и спросил - должен ли я после окончания предоставленного мне 4-х месячного отпуска явиться в тюрьму. КАРЛОВСКИЙ явиться в тюрьму мне запретил и обещал разрешить обо мне вопрос в Политбюро. Через полтора месяца он сообщил мне о решении Политбюро направить меня в СССР.

ВОПРОС:- Сообщили ли Вы в ЦК или Политбюро о предложении сделанном Вам дефензивой ?

ОТВЕТ: Нет, не сообщил.

ВОПРОС: Каким путем Вы пробрались в СССР ?

ОТВЕТ:- Я пробрался в СССР через Данциг, куда я попал нелегальным путем паспортом на мою настоящую фамилию.

В Варшаве мне была дана КАРЛОВСКИМ через мою жену, которая поддерживала с ним связь - явка в Данциге. При посредстве этой явки я обратился в Советское консульство, от которого получил документы на право въезда в СССР.

ВОПРОС:- Почему связь с КАРЛОВСКИМ поддерживала Ваша жена?

ОТВЕТ: Потому, что я находился на нелегальном положении.

ВОПРОС: Вы говорите, что пробирались в Данциг нелегальным путем, без какого то ни было права на въезд из Польши. Подвергались ли Вы в пути проверке.?

ОТВЕТ: Нет, документов на всем пути от Варшавы до Данцига у меня не проверяли.

ВОПРОС: Каким образом Вы попали на Украину?

ОТВЕТ: По приезде в Москву в начале апреля с.г. я обратился к представителю польсекции АЛЬБЕРТУ. АЛЬБЕРТ направил меня в МОПР для оформления и получения соответствующего паспорта. МОПР оформил меня как политэмигранта, выдал советский паспорт и направил в отпуск на месяц в г. Ялту. После отпуска я снова обратился к АЛЬБЕРТУ и был им послан на работу в Киев в распоряжение КОНЕЦКОГО.

ВОПРОС: Как была оформлена Ваша командировка на Украину?

ОТВЕТ: Когда я был у АЛЬБЕРТА, он рассказал мне о том, что незадолго до моего приезда в Москву приезжали КОНЕЦКИЙ и СОСНОВИЧ и искали людей на польскую работу в Киев и

поэтому он направляет меня в распоряжение КОНЕЦКОГО. Никаких документов на руки он мне не дал, а просто сказал - "езжай к КОНЕЦКОМУ, ему все известно"

ВОПРОС: На какую работу Вас назначил КОНЕЦКИЙ ?

ОТВЕТ: КОНЕЦКИЙ приняв меня, предупредил, что "необходимо держать себя обособленно, ни с кем не сходиться поддерживать связь с ним, СОСНОВИЧЕМ, ГРАНТОМ и ПИЛЕЦКИМ, которых считает своими людьми и направил в редакцию "СЕРП" к СОСНОВИЧУ, а последний назначил меня зав. партотделом.

ВОПРОС: Что Вам известно о СОСНОВИЧЕ ?

ОТВЕТ: СОСНОВИЧА Януша я знаю примерно с 1922 года. Он происходит из буржуазной польской националистической семьи. Отец его является видным работником ППС в Варшаве. В 1929 году или позже являлся одним из организаторов "союза польской коммунистической молодежи", созданного им параллельно уже существовавшему тогда в Варшаве "Союзу коммунистической молодежи".

"Союз Польской Коммунистической молодежи" под влиянием пилсудчиков ставил себе цель разложить большевистский союз коммунистической молодежи и повести комсомольское движение в националистическое русло. В 1922-23 г.г. он был тесно связан с сыном известного пилсудчика - незяка ТЕПЛИЦЕМ которого ввел в союз коммунистической молодежи для разложившей работы.

В настоящее время ТЕПЛИЦ проживает во Франции и проводит активную деятельность против революционного движения. В 1923 году СОСНОВИЧ был арестован, после освобождения находился на разных ответственных работах в КСМП и КПП вплоть до его въезда в СССР.

214
118

Работая вместе в редакции "СЕРП" СОСНОВИЧ при встречах и разговорах со мной проявлял себя как польский националист и постоянно высказывался против политики КП(б) У.

ВОПРОС:- Какие антисоветские и националистические суждения высказывал СОСНОВИЧ в беседах с Вами?

ОТВЕТ: СОСНОВИЧ на протяжении всего времени нашей совместной работы обрабатывал меня в националистическом духе и подвергал своему влиянию. Он говорил мне, что политика ЦК КП(б)У в польских вопросах осуществляемая тов. ПОСТЫШЕВЫМ неправильная, что поляки на Украине в "загоне" что ЦК КП(б)У душит польскую культуру, ликвидирует польские школы, редакции польских газет и не дает никакой возможности для творческой работы. Он доказывал и я соглашался, что ликвидация польских школ является "гнетением" на польскую культуру и польские кадры и является прямым следствием враждебного отношения ЦК КП(б) к польской нации и говорил о необходимости бороться против этой политики вплоть до ее дискредитации.

С этой целью СОСНОВИЧ и КОНЕЦКИЙ за счет редакции командировали меня в августе месяце в польсекцию к БРОНКОВСКОМУ и поручили сделать ему подробный доклад о положении вещей на Украине, кторое рисовать ему так, как я об этом говорю выше, т.е. неправильной политики КП(б) в польских вопросах, гнетение на поляков, польскую культуру и т.д. В Польсекции я был принят ГИГОЖЕВСКИМ и БРОНКОВСКИМ. Первый совершенно отказался слушать меня и предложил немедленно написать обращение в Киев.

БРОНКОВСКИЙ слушал меня подробно и обещал урегулировать все вопросы с тов. ПОПОВЫМ, кторый в то время

был на Конгрессе Коминтерна. Одновременно БРОНКОВСКИЙ велел передать, что запрещает кому бы то ни было выезд из Киева в Москву.

По приезде я об этом информировал КОНЕЦКОГО и СОСНОВИЧА, которые заявили, что результатами моей поездки они в удовлетворены.

3-го сентября СОСНОВИЧ вызвал меня к себе в кабине сообщил об аресте КОНЕЦКОГО и заявил, что считает необходимым меня уволить и направить в Москву, так как дальнейшее мое пребывание в условиях Киева для меня как бывшего легизнера опасно и что он вообще решил, в связи с арестом КОНЕЦКОГО, всех людей взятых им из Москвы на работу в Киев, отправить обратно в Москву.

Я согласился с СОСНОВИЧЕМ и изложил желание немедленно уехать в Москву. СОСНОВИЧ просил меня передать АЛЬБЕРТУ или БРОНКОВСКОМУ об аресте КОНЕЦКОГО и добиться выезда в Киев кого-нибудь из польсекции для ознакомления с положением поляков на месте.

В Москве я был принят АЛЬБЕРТОМ и передал ему обо всем, что поручил мне СОСНОВИЧ. АЛЬБЕРТ сказал, что в Киев никто из польсекции не поедет, так как они занимаются этими вопросами на месте и все выяснят. Мне он предложил выехать обратно в Киев и указал, что СОСНОВИЧ не имел права уволить меня с работы.

ВОПРОС: Изложите подробно Ваш разговор с СОСНОВИЧЕМ после возвращения из Москвы?

ОТВЕТ: Я рассказал ему о моих переговорах с АЛЬБЕРТОМ. СОСНОВИЧ выразил резкое недовольство отношением к нему

216
11/11

польсекции и заявил, что после ареста КОНЕЦКОГО и такого отношения к нему польсекции он ждет своего ареста со дня на день. Он говорил мне, что никаких перспектив для польской работы на Украине нет, что ЦК КП(б)У занимается только хорошими разговорами-создания большой газеты "Глос - Радзекский", но ничего не делает кроме разговоров, людей арестовывают, новых работников не дают, что закрытие школ вызовет общее недозволение поляков и т.п. Я считал, что он прав и целиком с ним соглашался.

ВОПРОС:- Вел ли эти разговоры СОСНОВИЧ только с Вами, или же в Вашем присутствии еще с кемнибудь?

ОТВЕТ: Такой же разговор он вел у меня на квартире с редактором "Трибуны Радзекской" МАКСИМОВСКИМ.

ВОПРОС: Как давно Вы знаете МАКСИМОВСКОГО?

ОТВЕТ: С весны 1935 года виделся с ним один раз и впервые познакомился в редакции, куда я принес статью о забастовке строителей в Варшаве.

ВОПРОС: Каким же образом МАКСИМОВСКИЙ попал к Вам на квартиру?

ОТВЕТ: МАКСИМОВСКОГО ко мне на квартиру направил СОСНОВИЧ с которым он и говорил, как с своим приятелем.

ВОПРОС: Какие разговоры Вы и СОСНОВИЧ вели с МАКСИМОВСКИМ!

ОТВЕТ: Разговоры какие изложены выше, в частности: Об арестах политэмигрантов, о преследовании ЦК КП(б)У национальных меньшинств и, особенно, поляков, о закрытии польских школ, о политике ЦК КП(б)У по ассимиляции поляков.

СОСНОВИЧ и я ему рисовали положение для польской работы бесперспективным. Мы говорили, что ЦК КП(б)У обещал создать большую польскую газету "Глос Радзекский".

разговаривать, ничего не делается, обещали 1-го сентября, потом 15-го сентября и ничего не создают и вряд ли создадут при таком "говении" на польские кадры. СОСНОВИЧ указывал на арест редакторов "Глос Младзежи" и "Бондзь-Гэтув" и жаловался ему на общий нажим на польских коммунистов.

Присутствовавшая при этой беседе жена СОСНОВИЧА-работник Наркомпреса рассказывает, что был арестован польский учитель. Дети и женщины в знак протеста устроили политическую демонстрацию перед НКВД.

ВОПРОС: Как на это реагировал МАКСИМОВСКИЙ?

ОТВЕТ: МАКСИМОВСКИЙ заявил, что ему не понятна линия которая проводится КП(б)У на Украине в отношении поляков и он приехал проинформироваться на Украину.

15-го сентября т.е. после 2-х дневного пребывания МАКСИМОВСКОГО в Киеве, я выехал в командировку в Шепатовку. Когда вернулся 22.1Х, то ни МАКСИМОВСКОГО, ни СОСНОВИЧА не застал.

Протокол записан правильно, с моих слов, мне прочитан в чем и расписываюсь.

Г Р У Д А

218
121

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ГРУДЫ (он же ДЕМКЕ)
Михаила Михайловича, бывшего заведующего
партотделом газеты "СЕРП".

25 октября 1935 года.

ВОПРОС: В показаниях от 16 октября сего года Вы указываете, что СОСНОВИЧ на протяжении всего времени Вашей совместной работы, обрабатывал Вас в националистическом духе и подвергал своему влиянию. Изложите подробно Ваши антисоветские разговоры с СОСНОВИЧЕМ.

ОТВЕТ: СОСНОВИЧА, как польского националиста я знал еще из Польши. При направлении меня КОНЕЦКИМ на работу к СОСНОВИЧУ в Редакцию "СЕРП", я предупредил КОНЕЦКОГО, что журналистической работой никогда не занимался и не имею никакого опыта в этой работе.

КОНЕЦКИЙ заверил меня, что дело журналистики ничего трудного не представляет и рекомендовал окончательно договориться с СОСНОВИЧЕМ и приступить к работе.

СОСНОВИЧ принял меня весьма охотно и предложил партийный отдел.

Через несколько дней, когда я приступил к работе, СОСНОВИЧ попросил меня к себе в кабинет.

СОСНОВИЧ, ознакомливая меня с подведомственной мне работой, характеризовал положение в редакции очень напряженным и советовал ни с кем из местных людей не связываться, мотивируя это тем, что не исключена возможность наличия в редакции враждебных нам людей и в общих чертах ориентировал меня как на своих людей на ПИЛЕЦКОГО, ТУРСКОЮ и ВЫСОЦКУЮ. В отношении остальных он велел держать с ними себя очень осторожно. Эта беседа произвела на меня

очень странное впечатление, так как тогда я еще не понимал, почему СОСНОВИЧ характеризует мне так постановку в редакции и говорит о "своих" и "чужих" людях.

Через некоторое время СОСНОВИЧ выехал в Москву. По приезде он сообщил мне, что в Москве он подбирал людей для работы в Киев и кое кто из поляков — его знакомых обещал приехать.

В этот же период времени СОСНОВИЧ и КОНЕЦКИЙ стали меня приглашать заходить к ним домой. Посещал я, главным образом, квартиру КОНЕЦКОГО. Там я встречался с СОСНОВИЧЕМ, ГРАНДТОМ, ПИЛЕЦКИМ, ЯКОВЛЕВЫМ и какой то женщиной, работавшей вместе со СТАСЯКОМ.

Обычно при моих посещениях завязывались разговоры на контр-революционные темы. Они не раз говорили о польской работе на Украине и при этом в один голос утверждали, что поляки в СССР и на Украине — в частности в "загоне", что ЦК КП(б)У душил польскую культуру, ликвидирует польские школы, редакции польских газет и единственный на Украине польский район и о необходимости бороться против этой политики.

Примерно 16 или 17 августа я и СОСНОВИЧ были в квартире КОНЕЦКОГО. Это было не тогда, когда происходил изложенный мной выше разговор, а в другой раз. По инициативе КОНЕЦКОГО возник разговор, что на Украине польская работа явно угнетается и преследуется поляки политэмигранты и что необходимо кое что предпринять для борьбы против партии и дискредитации ее политики. Для этой цели КОНЕЦКИЙ предложил организовать надежных людей из числа польских националистов в Кieve и, невзирая на создавшиеся в связи с мероприятиями партии — трудности — продолжать польскую националистическую работу. Из этой беседы я понял, что СОСНОВИЧ и КОНЕЦКИЙ по к-р работе связаны давно и в

220
3. ~~125~~

продолжении этой связи обсуждают дальнейшие мероприятия борьбы против партии и Соввласти.

ВОПРОС: Вы говорите, что из разговоров СОСНОВИЧА и КОНЕЦКОГО вы поняли, что они связаны по контр-революционной работе давно и в продолжении этой связи обсуждают мероприятия дальнейшей борьбы против партии и Соввласти. Какое участие принимали вы в этих разговорах ?

ОТВЕТ: Я целиком и полностью согласился с КОНЕЦКИМ о необходимости организации "надежных политэмигрантов" - поляков для организованной борьбы против партии и Соввласти.

ВОПРОС: Таким образом, по Вашим словам получается, что вы дали согласие КОНЕЦКОМУ участвовать в организации и бороться против партии и Соввласти. Когда и при каких обстоятельствах вы вступили в эту организацию ?

ОТВЕТ: В польскую контрреволюционную националистическую организацию я был вовлечен КОНЕЦКИМ во второй половине августа 1935 года у него на квартире.

КОНЕЦКИЙ, развивая передо мной, как я уже указывал политику партии и Соввласти как неправильную по отношению к полякам и польским политэмигрантам, характеризовал ее как "гонение" на польскую культуру и польские кадры.

КОНЕЦКИЙ сказал мне, что эта политика не отвечает националистическим интересам полякам, проживающим в СССР и указал на ряд примеров, в том числе и на одного инженера, приехавшего откуда то к нему жаловаться на притеснения и невозможность работать в условиях политики Соввласти по отношению к полякам.

221
4. ~~124~~

Указал на бесперспективность в СССР польского издательского дела и заявил, что нужно быть ко всему готовым, так как, не исключена возможность, что в этих условиях придется издавать какую либо газету вроде "СЕРП" или другую нелегально.

В заключение КОНЕЦКИЙ заявил, что поляки, коим дорога своя нация и культура — должны предпринять решительные меры борьбы против политики партии, "угнетающей" польскую культуру.

Для этой цели он предложил мне вступить в существующую у них организацию и принять участие в ее деятельности, на что я дал ему свое согласие.

ВОПРОС: Каким образом считая себя коммунистом вы дали согласие КОНЕЦКОМУ участвовать в к-р националистической организации?

ОТВЕТ: Я никогда не был коммунистом, а только формально прикрывался партийной принадлежностью, а по существу являлся националистом. Еще в 1920 году под влиянием патристических чувств, выразившихся в желании защитить от Соввласти независимость Польши, я добровольно вступил в польскую армию в 1-й полк защиты Варшавы и так как предложение КОНЕЦКОГО, которого я всегда считал авторитетом в политических делах отвечало моим убеждениям, я согласился вступить в эту организацию.

ВОПРОС: Какая Вам была поручена работа, как члену польской националистической организации?

ОТВЕТ: КОНЕЦКИЙ и СОСНОВИЧ член нашей организации предложили мне связаться с местными поляками. Установить знакомство среди к-р элементов на заводах и фабриках и привлекать их для контр-революционной деятельности.

ВОПРОС: Изложите подробно о всей Вашей деятельности в организации.

ОТВЕТ: С целью дискредитации политики КП(б)У на Украине в польских вопросах, 8/УШ и 4/1Х с.г. по указаниям КОНЕЦКОГО от 8/УШ и СОСНОВИЧА от 3/1Х - осуществил две командировки за счет редакции в Москву в польсекцию Коминтерна, где делал доклады АЛЬБЕРТУ и БРОНКОВСКОМУ о положении поляков на Украине, которое рисовал ему в самых сгущенных красках, вплоть до невозможности плодотворной работы.

По указаниям СОСНОВИЧА ходил на фабрику им. ДОМБАЛЯ, Ленкузню и "Большевик" (в Киеве), где под предлогом формальных докладов о положении в Польше и популяризации польских газет - хотел установить связь с людьми, могущими быть использованными для к-р работы.

По указаниям того же СОСНОВИЧА 15/1Х выезжал с этой же целью в ШЕПЕТОВКУ на фабрику им. Ланцуцкого и в м. Малин на бумажную фабрику, но вследствие моего ареста в начале октября не успел никого привлечь для работы.

Протокол написан с моих слов правильно, мне прочитан, в чем и расписываюсь.

Г Р У Д А.

ДОПРОСИЛ: ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО.

(ЛИТМАН)

223
128

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ГРУДЫ (он же ДЕМКЕ)
Михаила Михайловича, бывшего зав.
партийным отделом газеты "СЕРП".

5 ноября 1935 года.

ВОПРОС: На допросе 25 октября с.г. вы показали, что являлись членом польской к-р националистической организации, принимали участие в обсуждении вопроса издания нелегальной газеты, Где обсуждался этот вопрос и кто принимал участие в его осуждении?

ОТВЕТ: Вопрос о возможности перехода к изданию нелегальной газеты обсуждался на квартире КОНЕЦКОГО в конце августа месяца с.г.. Принимали участие в обсуждении этого вопроса, помимо меня и КОНЕЦКОГО, члены организации СОСНОВИЧ и ПИЛЕЦКИЙ.

ВОПРОС: Кто вас пригласил в квартиру КОНЕЦКОГО?

ОТВЕТ: Я неоднократно бывал у КОНЕЦКОГО дома без специальных на то приглашений и придя к нему в этот раз, застал СОСНОВИЧА и ПИЛЕЦКОГО, которые также часто посещал КОНЕЦКОГО.

ВОПРОС: В связи с чем возник вопрос о необходимости издания нелегальной прессы?

ОТВЕТ: Как я уже указывал на предыдущем допросе КОНЕЦКИЙ считал необходимым продолжать к-р националистическую работу, не взирая на создавшиеся тяжелые условия для этой деятельности на Украине.

Когда в процессе беседы на квартире у КОНЕЦКОГО СОСНОВИЧ излагал создавшуюся тяжелую обстановку для работы

польских газет и заявил, что после происшедших арестов и намеченных им увольнений некоторых лиц (в том числе и меня) ему не с кем работать, — КОНЕЦКИЙ указал о возможности перейти к нелегальному изданию газеты, что можно осуществить с небольшим количеством людей, т.е. приводил в данном случае сопоставление методов выпуска печатей в подполье.

ВОПРОС: Какие практические указания в данном направлении были даны КОНЕЦКИМ?

ОТВЕТ: В этом не было необходимости, ибо СОСНОВИЧ, к которому в основном относилось указание КОНЕЦКОГО, имел большой опыт в деле организации подпольной печати.

ВОПРОС: Какая практическая работа в данном направлении была проведена?

ОТВЕТ: Я этого не знаю. Вскоре последовали аресты КОНЕЦКОГО и СОСНОВИЧА и я полагаю, что в данном направлении ничего сделать не успели.

ВОПРОС: В связи с чем СОСНОВИЧ намечал вас уволить из Редакции?

ОТВЕТ: По мнению СОСНОВИЧА, моя принадлежность к польским легионам в 1920 году могла вызвать нежелательные подозрения в связи с происходившими арестами. Поэтому между мною и СОСНОВИЧЕМ было обусловлено, что в целях ограждения меня от репрессий я буду уволен и уеду в Москву. СОСНОВИЧ должен был оформить мое увольнение под предлогом непригодности меня к работе в редакции.

ВОПРОС: Изложите обстоятельства при которых вы условились с СОСНОВИЧЕМ о вашем увольнении ?

ОТВЕТ: О том, что я как бив. легионер могу навлечь на себя подозрения СОСНОВИЧ говорил со мной недели две до ареста КОНЕЦКОГО, указывая на желательность моего въезда из Украины. Через 2-3 дня после ареста КОНЕЦКОГО он вызвал меня в кабинет и заявил, что решил немедленно меня освободить от работы, ибо мое положение ухудшается, так как мое назначение в редакцию прошло через КОНЕЦКОГО. Тогда же было условлено о том, что я буду уволен как непригодный для работы в редакции. СОСНОВИЧ, желая знать мнение Польсекции, направил меня в Москву и заявил, что если Польсекция не согласится с этим, то он оформит мое увольнение через ЦК. Для этого я должен был ему немедленно из Москвы написать мнение Польсекции, что я и сделал, когда там не согласились с моим увольнением и предложили немедленно вернуться в Киев.

Протокол читал, записан с моих слов верно:

Г Р У Д А.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ
НКВД УССР и КВО (ШТЕРЕНБЕРГ)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ВАЛЬЧАКА Вацлава Антоновича

бывшего редактора газеты
"Глос Мłodзежи" в Киеве

От "20" октября 1935 года.

226
158

ПРОТОКОЛ ДИПРОСА

Обвиняемого ВАЛЬЧАКА Вацлава Антоновича, быв. редактора газеты "Глос молодзежи" в Киеве.

20 октября 1935 года.

ВОПРОС: Каковы подробности Вашей деятельности в Киевской группе "ПОВ" по подготовке террористических актов над руководством партии и правительства?

ОТВЕТ: До июня 1934 года вопрос о террористической деятельности в нашей к-р организации не ставился.

Впервые вопрос о необходимости активизации нашей к-р работы путем перехода к террору над руководством партии и правительства был поставлен мною в беседе с МАЕМ Чеславом приблизительно в июне 1934 года / дату беседы не помню/. Эта беседа состоялась в Харькове в гостинице "Первое мая", в одном из номеров, где мы остановились приехав в командировку по делам редакции. В эту поездку мы посетили по делам редакции Сектор Прессы КП/б/У и Комитет печати при СНК УССР. Это было в период переезда правительства УССР в Киев, куда к тому времени часть Наркоматов уже переехала из Харькова.

Помню, что эта беседа с МАЕМ имела место на второй день нашего пребывания в Харькове, около 11 часов вечера. Разговор с МАЕМ начался с вопросом разгрома, который нанесен нашей организации на Украине, об арестах видных неояков и проч. В частности, тогда мы говорили об аресте ТЕОДОРА. Я указал в этой беседе МАЮ, что необходимо добиться переключе-

чения нашей организации на рельсы боевой работы, путем перехода к подготовке террористических выступлений против руководящих правительственных и партийных деятелей. При этом я обосновывал постановку этого вопроса необходимостью активизации работы нашей к-р организации, так-как наша работа фактически не выходила из рамок к-р деятельности в редакциях. Переключением же на боевую, террористическую деятельность, мы должны были добиться реальных осязательных результатов в борьбе с Советской властью.

С другой стороны - я обосновывал необходимость подготовки и проведения терактов над руководством партии и правительства тем, что это явится надлежащим ответом, мстью за разгром причиненный "Польской организации войсковой".

МАЙ к выдвинутому мною вопросу отнесся одобрительно, соглашаясь со мной в необходимости перехода в террору.

При этом он, однако, указал, что нужно будет предварительно поговорить с отдельными участниками нашей к-р организации, для выяснения их мнения. Мы условились, что это сделает МАЙ.

Приблизительно через месяц уже в Киеве, оставшись однажды вечером в редакции, мы опять вернулись к поднятому мною вопросу.

Я спросил МАЯ, говорил ли он с кем нибудь из участников нашей организации о переходе в нашей к-р работе к террору. МАЙ ответил мне, что беседовал со СЛИВИНСКИМ Казимиром. По словам МАЯ, СЛИВИНСКИЙ ему сообщил, что имел уже разговор с ЗАДРУЖНЫМ Юрием также о переходе к террористическим действиям, причем оба они /СЛИВИНСКИЙ и ЗАДРУЖНЫЙ/

признали целесообразность и необходимость подготовки террористических актов.

Таким образом, уже к июню 1934г. основным костяк нашей к-р организации - МАЙ, СЛИВИНСКИЙ, ЗАПРУЖНЫЙ и я - БАЛЬЧАК пришли к единодушному выводу о необходимости переклечения к-р организации также на боевую террористическую деятельность.

ВОПРОС: Вы лично обсуждали с ЗАПРУЖНЫМ необходимость перехода к террору?

ОТВЕТ: Нет, я с ним об этом не говорил.

ВОПРОС: Каким же образом ЗАПРУЖНЫЙ после Вашего возвращения из Харькова также в беседе со СЛИВИНСКИМ ставил вопрос о терроре?

ОТВЕТ: Возможно ЗАПРУЖНЫЙ имел связь с кем либо из руководства "ПОВ" и выдвинул этот вопрос почти одновременно со мной по указаниям руководства. Мне это неизвестно. Со слов МАЯ я узнал лишь то, что ЗАПРУЖНЫЙ также поставил вопрос о терроре в беседе со СЛИВИНСКИМ.

ВОПРОС: Что было Вами решено в результате переговоров с МАЕМ состоявшихся в редакции?

ОТВЕТ: Мы порешили предварительно обсудить весь вопрос в целом, выслушав мнение нашей группы "ПОВ" по вопросу выдвигаемой террористической деятельности. Мы условились с МАЕМ, что обсудить это нужно будет на одном из совещаний нашей к-р организации.

ВОПРОС: Приведенная Вами вторая беседа с МАЕМ по вопросу террористической деятельности относится, как явствует из Ваших показаний к июлю 1934 года.

После этого какие конкретные формы приняло решение выдвинутого Вами вопроса о переходе к террору?

ОТВЕТ: Разрешение этого вопроса задержалось ввиду того, что многие участники нашей к-р организации оказались в отлучке по разным причинам. С конца июля до сентября 1934г. МАЙ находился на двухмесячных сборах начсостава, как командир запаса. После этого, побыв в редакции короткое время он уехал в месячный отпуск.

В июле-сентябре СЕЛЛЕЦКИЙ был призван и находился на двухмесячных сборах, как связист. ЗАДРУЖНЫЙ также в августе-сентябре отсутствовал, будучи послан в Мархлевский район. Я несколько раз отрывался от редакции, первый раз будучи мобилизован военкоматом для участия в проверке призывников, второй раз - выехав с 14 сентября по 5 октября 1934г. в Ленинград и другие города в отпуск.

Все это задержало конкретное продвижение выдвинутого вопроса о переходе нашей к-р организации к террористической деятельности.

ВОПРОС: Какие дальнейшие мероприятия, Вами были предприняты по подготовке терактов?

ОТВЕТ: С 30 сентября 1934 года МАЙ вместе с СЕЛЛЕЦКИМ ушли в отпуск в г.Ялту. Из отпуска они прибыли 30 октября приблизительно. Я к тому времени уже возвратился из своей поездки в Ленинград, где провел часть своего отпуска.

В средних числах ноября 1934г. в одном из разговоров с МАЕМ, когда мы поздно вечером оставались на работе в редакции, я напомнил ему, что вопрос о нашей террористической деятельности следует не задерживая обсудить. Я также ука-

H

зал, что хотя мы порешили поговорить об этом на совещании нашей организации, но до сих пор этого не осуществили. МАЙ согласился со мной, что сейчас наиболее удобный момент для созыва совещания, так как почти все участники нашей организации были на месте. Как он заметил, в дальнейшем собраться будет трудно, т.к., повидимому, некоторые из нашей группы поедут в отпуск, в частности СЛИВИНСКИЙ. Мы в этом разговоре порешили, что в ближайшие же дни соберем совещание участников нашей группы "ПОВ" и тут же точно условились о дне совещания /дату восстановить в своей памяти сейчас не могу/. На совещании мы решили пригласить всех членов нашей группы "ПОВ", а именно: СЛИВИНСКОГО, СЕДЛЕЦКОГО, ЗАДРУЖНОГО, ВАЧЕКА и КВЕЦИНСКОГО. Собраться должны были в гостинице "МАРСЕЛЬ" у меня или у МАЙ - жили мы в одном коридоре гостиницы на 4 этаже в соседних номерах /я занимал №5, а МАЙ-81-й/.

После этого разговора я оповестил СЕДЛЕЦКОГО о предстоящем совещании, но в подробности того, какие вопросы должны будем обсудить, его не посвящал. МАЙ оповестил остальных участников к-р организации. В соответствии с тем, как мною и МАЕМ было решено, совещание состоялось вечером в назначенный день /в средних числах ноября 1934г./ у меня в номере 95-й гостиницы "МАРСЕЛЬ".

ВОПРОС: Кто присутствовал на совещании?

ОТВЕТ: Присутствовали: МАЙ Чеслав, СЛИВИНСКИЙ Казимир, ЗАДРУЖНЫЙ Юрий, СЕДЛЕЦКИЙ Михаил, ВАЧЕК Иван, КВЕЦИНСКИЙ Павел и я -ВАЛЬЧАК.

ВОПРОС: СЛИВИНСКОГО Вы оповестили о предстоящем совещании?

ОТВЕТ: Точно не помню. Возможно мельком сказал ему об этом.

ВОПРОС: Изложите подробно, какие вопросы были обсуждены на совещании и что конкретно было решено?

ОТВЕТ: На совещании был обсужден только один вопрос, а именно: о переходе в деятельности нашей группы "ПОВ" к террору над руководством партии и правительства.

На совещании я говорил, что нельзя допускать такого положения, при котором наша деятельность будет замыкаться только в рамках к-р работы в редакциях, а необходимо перейти к более активным формам в борьбе с Соввластью, а именно к действиям боевого порядка — подготовке террористических актов над руководящими деятелями партии и правительства. Я также указывал, что мы должны за разгром "ПОВ", в ответ на аресты наших видных участников к-р организации "ПОВ" отомстить террором.

Меня энергично поддержал ЗАДРУЖНЫЙ, который указал, что нужно дать почувствовать, что наша к-р организация не спит, а действует, говорил что наши боевые террористические выступления всколыхнут и другие звенья нашей к-р организации к более активной работе. Как он выразился, этим мы можем "зажечь" боевым духом молодежь кадры и других звеньев "ПОВ".

Говорил также СЛИВИНСКИЙ, подчеркивавший и свое согласие с выдвинутым положением о переключении на активную деятельность методами террора. Он указал, что наши террористические выступления будут иметь особое значение, как месть за провал "ПОВ".

Возражений по существу поставленного вопроса о переходе к политическому террору не было.

МАЙ также говорил, что вопрос стоит правильно, что необходимо активнее работать, нежели до сих пор и надо конкретно подготовиться, наметив террористическое выступление.

Некоторые из присутствовавших отдельными репликами поддерживали. Были замечания: "правильно", до сих пор работали вообще "слабо" и т.п. Несколько реплик такого характера подал ЖАЧЕК Иван, настроенный решительно потому, что и его брат при провале "ПОВ" был осужден за неовьякскую работу.

Молчал лишь, не высказывая своего мнения КВЕЦИНСКИЙ.

Но вообще на совещании чувствовалась наэлектризованная обстановка. Большинство было настроено решительно.

Насколько помню, кажется СЕДЛЕЦКИЙ сказал, что нужно чтобы определенные лица взялись "за дело", т.е. за подготовку террористических актов, причем называли меня, МАЮ, ЗАДРУЖНОГО и СЛИВИНСКОГО, что было поддержано и не встретило возражений со стороны этих лиц.

Таким образом, эта четверка: ЗАДРУЖНЫЙ, МАЙ, СЛИВИНСКИЙ и я - ВАЛЬЧАК должна была перейти в дальнейшем к конкретной подготовке террористических выступлений.

ВОПРОС: Обсуждался ли на совещании вопрос о том, против кого персонально из руководства партии и правительства должны быть направлены акты террора?

ОТВЕТ: Нет, это не обсуждалось. На совещании имелось ввиду решить лишь принципиально вопрос о нашей так-

тике в связи с выдвинутыми предложениями о переходе к террору и наметить людей, которые займется подготовкой к террористическим выступлениям.

Протокол мне прочитан, написан с моих слов.

БАЛЪЧАК.

ДОПРОСИЛ: ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕННЫЙ О.О.-
/ДЕНЕНБУРТ/

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ЗИММЫ-КРАНЦ Эдуарда Эдуардовича

бывшего редактора
Сталиндорфской район-
ной газеты "Ленинский
Путь".

От "9" ноября 1935 г.

15/11

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого **ЗИММИ-КРАНЦ** Эдуарда
Эдуардовича, бывшего редактора Сталин-
дворфской районной газеты "Ленинский
Плях"

9-го ноября 1935 года

ВОПРОС:- Когда и по чьей инициативе был организо-
ван выпуск польской газеты в Каменском?

ОТВЕТ:- Польская газета "Глос Металлиста" в Камен-
ском была организована года три тому назад. Первым редактором
этой газеты был **СЛИШКО**, который был арестован затем по одно-
му делу со **СКАРБЕК**М.

ВОПРОС:- Какие контингенты должна была обслуживать
эта газета ?

ОТВЕТ:- Формально польская газета в Каменском
должна была обслуживать поляков рабочих, в основном работающих
на заводе имени "Дзержинского". Фактически газета существовала
без всякой базы, так как большинство поляков-рабочих польского
языка не знают и этой газетой не пользовались. Характерным
примером может служить то обстоятельство, что почти все замет-
ки и корреспонденции, направляемые в газету, писались по русски
и уже редакцией переводились на польский язык. При чем основ-
ным стимулом в направлении в газету материалов являлся го-
норар за корреспонденцию.

ВОПРОС:- Каким образом газета "Глос Металлиста"
распространялась.

ОТВЕТ:- До января 1935 года газета раздавалась бесплатно. Благодаря этому обстоятельству никакого реального учета читаемости не было. Обыкновенно газета направлялась в заводскую экспедицию, которая уже самостоятельно распространяла газеты по цехам по своему усмотрению. В зависимости от количества сдаваемых в экспедицию газет составлялся, якобы, реальный тираж газеты. Мне неоднократно самому приходилось наблюдать, как в экспедиции валялись целые пачки неиспользованных газет. Часто были случаи, что газеты продавались на сторону, как бумага, не будучи использованными по своему назначению.

С 1 января 1935 года газета перешла на платную подписку. Несмотря на ее незначительную стоимость, тридцать копеек в месяц, тираж резко упал, сократившись более чем на 50%.

При проведении подписки неоднократно рабочие заявляли, что польская газета им не нужна и от подписки отказывались.

Были случаи, что на подписку соглашались, лишь в том случае, если одновременно с "Глэс Металлика" они смогут получить и "Правду".

Возможно же эта газета существовала искусственно и являлась руслом проникновения и протаскивания националистических идей.

Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны, в чем и расписываюсь.

З И М А

ДОПРОСИЛ: ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО

(П Р И Г О В)

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

обвиняемого ГРОДСКОГО Витольда Карловича

студента 3-го курса
Польского Педагогического Института

От 4 и 5 ноября 1935 г.

142 236

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА.

Обвиняемого ГРОДСКОГО Витольда Карловича студента 3 курса польского педагогического института.

4 ноября 1935 года.

ВОПРОС: На допросе 25 октября с.г. Вы показали о том, что перед привлеченными Вами в к-р националистическую организацию лицами в Эмильчинском районе, Вами выдвигались следующие задачи, вытекающие из общей линии организации:

1. Проведение полонизаторской работы среди украинского населения католического вероисповедания;
2. Воспитание населения в националистическом, шовинистическом направлении;
3. Дискредитация мероприятий партии и правительства и организация противодействия этим мероприятиям;
4. Подрывная работа в колхозах в целях дискредитации колхозного строя, развала колхоза и задержание дальнейшего роста коллективизации в польских селах;
5. Превращения польских сел в опорные пункты будущей интервенции со стороны Польши, в целях поддержки этой интервенции.

Какая практическая работа для осуществления этих задач была проведена Вами лично и к-р группой в с.Медведево?

ОТВЕТ: Для осуществления указанных задач мною и к-р группой в селе Медведево была проделана следующая практическая работа:

1. По линии полонизаторской деятельности я, зная установки организации / от МОЛЗЕВСКОГО/ об огромной роли школ, специально в этих целях насажденных там где проживало украинское население католического вероисповедания, что полностью относится и к селу Медведево, будучи директором 7-ми летки нажимал на полонизацию учащихся. Эта работа была очень трудной для преподавательского состава и носила характер издевательства над украинскими детьми, не понимавшими польского языка; однако я по мере сил стремился выполнять установки организации; невзирая на то, что население требовало создания украинских ликнепов, я, руководя организацией этого дела, создал 5 ликнепов, работающих на польском языке, из них: один в школе, один в сельбуде, 2 на участках и один в Нитино. Со стороны молодежи это вызвало очень отрицательное отношение и в связи с этим была плохая посещаемость, часть молодежи приходя на ликнеп приносила украинские учебники и требовала обучать ее на украинском языке. Полонизаторская деятельность ликнепов играла на руку религиозному активу и ксендзу, читавшему проповеди на польском языке. Я лично через с/с и группы проводил большую работу по распространению польских газет среди украинского населения и вел агитацию о необходимости ведения собраний, заседаний и т.д. исключительно на польском языке.

2. По части воспитания населения в националистическом направлении работа велась всевозможными способами. Член к-р националистической группы ЗЕМБИЦКИЙ Иван, организатор радиослушания в сельбуде, по моим указаниям, когда сходилось население в клуб стремился "ловить" передачи из Польши, вопреки имевшемуся запрещению. Таким образом, клуб был превращен в очаг националистической работы, где населению передавались передачи из Польши патриотического содержания рели-

гиозные службы. Тогда же и велась обработка населения.

Вся группа в этом направлении вела агитацию о всевозможных преследованиях Советской властью польского населения, на тех конкретных примерах, которые много раньше указывались. Обработку молодежи в националистическом духе проводили СТАСЬКЕВИЧ Франц.

3. По линии дискредитации мероприятий партии и правительства проводилось к-р организацией извращение подлинного смысла проводимых мероприятий и велась практическая работа в этом направлении. Когда весной 1934г. проводилась работа по землеустройству колхоза и шла дополнительная прирезка земли, я поставил перед группой задачу добиться проведения такого землеустройства, которое возбудило бы недовольство единоличников / которых было подавляющее большинство - 130 колхозов в самом Медведево/, и компрометировало бы идею коллективизации.

Вначале на правлении колхоза и потом в с/с я добился того, что во время дополнительной прирезки земли, колхозу были отведены почти все огороды, земли единоличников. Члены к-р группы и часть колхозников под влиянием группы потом распространило слух, что это делается с целью заставить единоличников в принудительном порядке вступить в колхоз. Такое "землеустройство" привело к тому, что в колхозе затянулась севоб из-за неудобства работы на маленьких клетках, а у единоличников был сорван посев огородных культур. В связи с резким недовольством единоличников, потом пришлось часть огородных земель вернуть и председельсовета СВИНЦИЦКАЯ получила выговор / она также проводила полонизаторскую работу, не являясь членом группы, а будучи националистически настроена/. Таким образом, помимо вреда хозяй-

ственного, идея землеустройства была скомпрометирована. Компрометировалось также мероприятие по посеву льна. В этих целях член к-р группы ЖУРАВСКИЙ Виктор проводил позднюю и недостаточную обработку земли под посев льна, проводилась несвоевременная уборка, растилка льна в итоге чего качество волокна было низкое, имелся большой отход, волокно оплачивалось по низкой ставке и получалось впечатление невыгодности его посева. Член к-р группы ЗЕМБИЦКИЙ Иван являясь дорожным старостой, по строительству которое проводилось в порядке трудпобинности, советский-бедняцкий актив направлял на тяжелые участки, а к-р настроенных лиц на более легкие участки. Помимо этого в самом строительстве проводилась вредительская работа. Для капитального ремонта дорог на отдельных участках необходимо было прокладывать хворост и засыпать землей, но этого не делалось и после первого дождя дороги размывались. Получалось, что труды населения пропадали даром, что вызывало недовольство населения. На это населению давались справки, что работа проводится по указаниям района.

Члены к-р группы в с/с ЗЕМБИЦКИЙ Апполинарий и ОСТРОВСКИЙ Лукош проводили работу по нажиму на бедняцкую часть населения, заставляя досрочно выполнять налоги самообложения, контрактационные договора и одновременно не делали нажима на кулацкую часть и предупреждали кулачество о необходимости укрыть об"екты обложения или имущество перед описью за срыв различных заданий. ЗЕМБИЦКИЙ и ОСТРОВСКИЙ Лукош предупреждали об этом кулаков ВОХОВСКОГО Франца, ВОХОВСКОГО Ивана - АНИНА / ему отчество записано по матери, чтобы не путать с другими/ кулака по прозвищу "Декон", ТУРОВСКОГО Виктора, который спрятал пару лошадей и др.

Для подрыва колхоза изнутри, компрометации колхозного строительства и затяжения дальнейшего роста коллективизации я давал членам группы задания по вредительской деятельности в изношении тягловой силы, на срыв труддисциплины, распространение различных провокационных слухов о неблагоприятии в колхозе, с одновременной агитационной деятельностью среди единоличников. Члену к-р группы ст. конюху СЛОВИКОВСКОМУ я дал указание о проведении вредительства по конскому тяглу, с тем, чтобы лошади были неспособны к работе, выводить их из строя различными путями. Зимой 1933-34г.г. в колхозе / где было 13 хозяйств / погибли 3 лошади. Я спрашивал СЛОВИКОВСКОГО на его ли это работа, на что СЛОВИКОВСКИЙ улыбаясь мне ответил, что лошади болели и сообщил что имеется свидетельство от врача. Тогда я усмехаясь ему ответил, "пусть болеют дальше", что вызвало также улыбку СЛОВИКОВСКОГО, и для него было понятно, что этот разговор носил характер прямого указания о необходимости продолжить эту вредительскую деятельность.

Член к-рт группы ОСТРОВСКИЙ Иосиф выполняя мои указания о проведении дезорганизаторской работы в колхозе, организовал систематические пьянки колхозного актива и колхозников, чем срывал труддисциплину. На основе создаваемых к-р группой неполадок в колхозе, облегчалась к-р агитация против вступления в колхоз, в итоге чего к моменту моего отъезда из района в августе месяце 1934 года в Медведовском с/совете из 300 хозяйств в колхозе состояло 17 хозяйств. Таким образом, проведенная к-р группой полонизаторская и националистическая работа, деятельность срывавшая хозполитическую линию партии и соввласти на селе, направленная на срыв колхозного

строительства и компрометации государства, способствовало тому, что настроение селян направлялось против государства и создавались благоприятные условия для превращения с. Медведово в опорный пункт польской интервенции. Одновременно ОСТРОВСКИЙ Иосиф по моему заданию обрабатывал людей для активной помощи интервенции и по его словам эти люди имелись. Аналогичная к-р деятельность проводилась в с/с Веровка - ПЕРЕГУДОЙ и созданной им группой и в Запруде - СОСНОВСКИМ Людвигом и его к-р группой.

ВОПРОС: Что Вам известно о конкретной деятельности к-р группы в.Веровка и в Запруде?

ОТВЕТ: Мне СОСНОВСКИЙ Людвиг говорил, что его группа проводит к-р националистическую работу и срывает колхозное строительство и в итоге их деятельности из 120 хозяйств в с.Запруде к осени 1934г. состояло в колхозе всего 5 тысяч хозяйств. Практическая деятельность ПЕРЕГУДОЙ и его к-р группы мне неизвестна, ибо перед своим отъездом в Киев по этому поводу с ним не успел говорить.

Протокол читал, записано с моих слов правильно, в чем и расписываюсь.

Г Р О Л С К И Й.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ НКВД
У С С Р:

/ИТЕРЕНБЕРГ/

242
148

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемго ГРОДСКОГО Витольда Карловича, студента 3-го курса польского педагогического института.

5-го ноября 1935года

ВОПРОС: Вы на ряде допросов указали с тем, что в к-р. националистической работе использовали различные аргументы в доказательство имеющегося "преследования" польского населения Соввластью и партией. Какими доводами Вы обосновывали эти утверждения?

ОТВЕТ: Как я уже указал на ряде допросов, при обработке и вербовке мною в к-р. организацию ряда лиц, я указывал им о существующем преследовании польского населения Соввластью и партией. В доказательство этого я приводил ряд примеров:

1) Когда осенью 1934 года в ряде районов с украинским населением католического вероисповедания были закрыты искусственно созданные, польскими националистами, польские школы и несколько позже была ликвидирована часть низовой польской прессы, созданная также искусственно в местах, где проживало украинское население, я это квалифицировал как преследование польского населения и убеждал в этом других;

2) Проводимое государством выселение классово чуждого элемента из пограничной мною квалифицировалось аналогичным образом, т.е. как результат гонения;

3) Для подкрепления наших аргументов я и ШЛИФЕРШТЕЙН использовали слух с тем, что Мархлевский район будет

243
144

переименован в Балицкий. Мы говорили, что в стремлении стереть все польское, для партии и Соввласти не дарго даже имя Мархлевска. Название района именем БАЛИЦКОГО преподносилось как символ продолжающегося преследования. С именем БАЛИЦКОГО связан разгром националистической контр-революции на Украине в том числе и польской, как непосредственного руководителя этого разгрома. Нами же аресты ряда активных деятелей организации, проникших в партию для к-р. работы преподносились как преследование польских коммунистов "враждеб" польского населения.

Таким же образом квалифицировался разгром "ПОВ". Поэтому переименование района в Балицкий в данном случае свидетельствует об этом (преследовании) и вместе с тем культивировалась ненависть к личности БАЛИЦКОГО среди польской молодежи - как к руководителю органа, преследующего польское население.

Помимо этого я лично в беседах указывал, что в отношении польского населения виновен ЦК КП(б)У и особенно выпячивал личность ПОСТЫШЕВА, отмечая, что с момента его приезда на Украину начались преследования поляков. Особенно активную работу я и к-р. группа развернули в данном направлении после ликвидации Мархлевского района, когда мы утверждали, что Советская власть и органы НКВД огульно считают всех поляков контр-революционерами.

ВОПРОС: Вы на допросе 28 Октября с.г. показали о том, что к-р. группа в польском педагогическом институте, руководимая Вами, выполняя указания вышестоящего центра к-р. организации, подготавливала себя в военном отношении и в частности училась метко стрелять, в итоге чего

211
150

большинство участников к-р. группы по стрельбе сдали нормы на Ворошиловского стрелка. Одновременно Вами проводилась работа, которая культивировала ненависть к руководству партий на Украине.

В какой взаимной связи эти мероприятия проводились к-р. организацией?

ОТВЕТ: К-р. организация подготавливала своих членов в военном отношении и в частности к меткой стрельбе на период интервенции. Ненависть по отношению к руководству партий на Украине и особенно к ПОСТЫШЕВУ и БАЛИЦ КМУ культивировалась среди польской молодежи в целях успешного разворота националистической деятельности. Безусловно на базе этой деятельности организации могло легко проявиться террористические настроения, однако прямых указаний по ведению террористической работы я не получал и на к-р. группе, руководимой мною, этот вопрос не выдвигался.

Протокол читал, с моих слов записано правильно, в чем и расписываюсь.

Г Р О Д С К И Й

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ НКВД
УССР и КВО

(ШТЕРЕНБЕРГ)